

Максим Михайлов

Повесть о солдатах армии,
которую заставили воевать
по законам мирного времени

Душегуб

Максим Михайлов

Душегуб

«Станислав Щербаков»

2018

Михайлов М.

Душегуб / М. Михайлов — «Станислав Щербаков», 2018

Война стала для них не просто тяжелым испытанием, и даже не профессией, а образом жизни. Служебный долг, приказ Родины, присяга давно отошли в область эфемерных ничего не значащих понятий. Теперь этими людьми управляют совсем другие чувства: ненависть, кровная месть за погибших товарищей и жажда справедливости, как они ее понимают. Теперь они ведут свою собственную, личную войну и закончить ее могут только победой. Приживется ли в их сложившемся коллективе молодой капитан спецназа, искренне верящий в то, что все в этой жизни должно быть правильным, соответствующим приказам и директивам армейских начальников, не желающий признавать, что партизанскую войну не ведут в белых перчатках? Вторая чеченская война. Секретная операция спецназа ГРУ по ликвидации главарей бандитского подполья и иностранных наемников. Основано на реальных событиях.

© Михайлов М., 2018

© Станислав Щербаков, 2018

Содержание

Пролог	5
Люд	17
Хамзат	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Максим Михайлов

Душегуб

*Ну, сколько, сколько вам учиться?
Когда спадет с глаз пелена?
Что за насильем к вам примчится
Насилье-мечь. Слепа она...*

*Мстить будут всем и без разбора,
Забыв, с чего все началось,
Каков был повод для раздора,
А сколько крови пролилось?*

*Насилье – первая причина.
Кто его начал? Чья вина?
Что в дом пришла к нам боль-кручина
Смертей бессмысленных полна.*

*И что за эту мечь мы снова
Вдвойне, втройне готовы мстить.
Ведь наша психика готова
К тому, что мы должны убить.*

*Всех тех, кто сеет смерть невинных,
Ведь оправданий для них нет.
Кто ж сделал первый шаг насилья?
Кто начал? Кто нам даст ответ?*

А. Зубков

Пролог

– Лицом к стене, – привычно процедил конвоир и, уверенный в полной покорности сопровождаемого, даже не удосужился дожждаться выполнения команды, повернулся к двери.

Андрей впрочем, и не думал о возможности хотя бы такого мелкого неподчинения. «Дубаки», так здесь называли прапорщиков ГУИНА, исполнявших в СИЗО роль конвоиров для особо опасных, народ тупой и мстительный, не простят и тени непослушания, а тем более любой попытки подрыва собственного авторитета. Измочалят дубинками в мясо, и никто им не указ, если что, десять человек охотно подтвердят, что ты сам бросился на конвоира, и будут стоять на своем, хоть ты их режь. Круговая порука замкнутой недоступной чужим касты элитных конвойщиков, спянной общим врагом – арестантами, в нерушимый монолит. Куда там сицилийцам с их омертой.

– Подследственный Снегирев доставлен. Разрешите заводить? – с едва уловимой развязностью, свойственной бывалым ветеранам, распахнув дверь комнаты для допросов, доложил «дубак».

– Да, конечно, пусть зайдет, – приглушенно прозвучал незнакомый голос.

Андрей удивленно поднял привычно опущенную на грудь голову. Голос ведущего его дело следователя, он не спутал бы ни с каким другим при любых обстоятельствах. Наслушался на допросах так, что до конца жизни не забудешь! Выходит в этот раз беседовать с ним будет кто-то другой... К чему бы это? В бедном на события и происшествия зарешеченном мире,

любое изменение привычного на много дней вперед расписанного сценария жизни всегда воспринимается с особенной остротой и настороженностью, так как по большей части все перемены здесь бывают к худшему и не несут с собой сидельцу ничего хорошего.

– Заходи! – рявкнул ему прямо в ухо «дубак», сопроводив окрик болезненным тычком в область почек.

Превозмогая внезапно охватившее его чувство робости и боязни ожидающего впереди неизвестного, арестант переступил порог и пристально вгляделся в сидящую за столом облаченную в мятый гражданский пиджак фигуру. Ничего пугающего на первый взгляд в человеке не было. Средних лет, усталое, помятое, будто с перепоя лицо, нервно барабанящие пальцами по столешнице руки. Вот разве что глаза – пустые и равнодушные, какие-то рыбы, такие же холодные, будто заполненные противной стухшей водой из затянутого зеленой ряской пруда.

– Проходите, Андрей Николаевич, проходите! Что же Вы на пороге стали? Проходите, присаживайтесь. Я старший следователь окружной военной прокуратуры Шинников Валерий Николаевич. Теперь буду вести Ваше дело.

В тюремной системе ни один хозяин кабинета никогда не предложит вам садиться, а только присаживаться. Профессиональная привычка, глупая, пустая, но на уровне подкорки вевшаяся в плоть и кровь.

– Конвоир, Вы свободны. Я вызову, когда закончу.

– Может того... – неуверенно замялся прапорщик. – Может мне здесь побыть на всякий случай? Он у нас в особо опасных числится. Десантник бывший...

– Свободны, я сказал, прапорщик! – в голосе следователя отчетливо звякнули резкие металлические нотки, и чутко уловивший их прапор поспешил захлопнуть дверь.

Андрей, еще раз недоверчиво глянув исподлобья на следака, прошел к столу и, отодвинув чуть в сторону стоящий рядом простой деревянный стул, осторожно присел на самый его краешек. Шинников в свою очередь внимательно рассматривал подследственного, умело маскируя пристальный интерес псевдорадушной суетой, демонстрацией образа добрейшей души человека, эдакого рубахи-парня. Конечно, он уже тщательно изучил все материалы дела, не раз видел лицо сидящего перед ним человека на приложенных к материалам фотографиях, прочитал немало справок и характеристик, описывающих его характер. Но все это было ничто. Сухие бумажки ни в коей мере не могли заменить той всеобъемлющей информации, которую опытный оперативник может получить при личном контакте. Малейшие нюансы поведения, манера держаться, реакция на вроде бы невзначай подброшенные зондирующие вопросы, много скажут тренированному уму дознавателя, позволят выстроить верную стратегию и тактику того незримого, но ожесточенного поединка, который он поведет с подследственным, припирая того к стенке, заставляя под грузом улик признать поражение, признать вину. В данном конкретном случае особых сложностей не предвиделось. Затравленный взгляд арестанта, покорно опущенные, нарочито сутулые плечи, робкие осторожные движения – все говорило за то, что этот человек уже сломлен и раздавлен безжалостной машиной ГУИНа и не может ей противостоять. Осталось лишь чуть-чуть дожать его всего на один эпизод. Маленький незначительный эпизодик, короткие в одну строчку показания, которые ничуть не повлияют на участь самого Снегирева, но тяжелой гирей лягут на весы правосудия при определении меры вины другого человека, того самого, указания по которому получены с самого верха и должны быть исполнены любой ценой. Именно для получения нужных признательных показаний Снегирева, и прибыл в СИЗО старший следователь Шинников. Именно для этого под надуманным предлогом был отстранен от ведения дела прежний, слишком принципиальный и не желающий понимать даже самых прозрачных намеков, работник военной прокуратуры.

– Присаживайтесь, Андрей Николаевич, присаживайтесь... Курите? Хотите сигарету? Берите, не стесняйтесь... – изо всех сил старался продемонстрировать арестанту дружеское

расположение следователь, почти насильно втискивая ему в вялые потные пальцы мятую прищипку и предупредительно щелкая зажигалкой.

«И это элита нашей армии! – презрительно думал меж тем, глядя на испуганно вздрагивающего арестанта. – Разведчик! Спецназовец! Неудивительно, что нам в Чечне накладывают и в хвост и в гриву. Если у нас такие служат в элитных частях, так кто же тогда попадает в обычные?»

– В первую очередь хочу сразу сказать Вам, Андрей Николаевич, что в Вашу виновность я не верю! – твердо хлопнул рукой по столешнице Шинников, дождавшись, когда подследственный жадно втянув сигаретный дым, выпустит первое вонючее облако. И смолк, до конца выдержав испытующий, недоверчивый взгляд арестанта и предоставляя ему инициативу дальнейшего разговора, так опытный фехтовальщик, поразив противника молниеносно-быстрым уколом, занимает выжидательную позицию в обороне, чтобы вдумчиво оценить произведенный эффект, определить, можно ли без помех развивать успех, или стоит повременить, изматывая врага хитрым кружевом ложных выпадов. Так и Шинников, огорошив арестанта прямым и жестким заявлением, напряженно ждал, какова же будет реакция последнего? Тот долго молчал, и следователь уже решил, что привычно примененный, позволяющий сразу оглушить и запутать противника прием, в этот раз не подействовал. Однако нет, прорвало все же.

– Как не верите? – угрюмо спросил Снегирев. – Там же в деле мои показания, есть и чистосердечное...

– Читал, читал, как же, – охотно подхватил следователь. – Действительно Вы очень полно, ничего не утаивая, описали эти печальные события. Но, повторюсь, вины Вашей я в происшедшем не усмотрел! Вам что инкриминировали?

– Умышленное убийство, конечно, – отводя взгляд, глухо выговорил подследственный. – Что же еще?

– Боже ж, мой! – с искренним негодованием воскликнул Шинников. – Да где они только это увидели! Да в суде такое обвинение лопнет, как мыльный пузырь, уж поверьте моему опыту! Причинение тяжких телесных повреждений! Вот мое слово! Причем по неосторожности! И никак иначе!

– Как? Старик ведь умер? – с робкой надеждой глядя на следователя произнес Андрей, ему очень хотелось верить этому человеку, до того хотелось, что все поучения бывалых сидельцев, услышанные в камере, мгновенно вылетели из головы. «Не верь ментам, не ведись на их уловки, думай только своей головой. Верь только себе! Стелят-то они мягко, вот только спать жестковато выходит! Не верь!» Но как же не верить, если вот, вдруг, как по мановению волшебной палочки замаячил выход из того тупика в который нежданно негаданно загнала его жизнь?!

– Умер? – презрительно скривился следователь. – Конечно, умер! После того, как его добил Моргенштейн! Еще бы! Только ты-то здесь причем, дурья твоя башка? Ты ведь этого чеченца только ранил, и то случайно! Убил его не ты, а Моргенштейн!

– Не Моргенштейн, Погодин... – автоматически поправил следователя Андрей. – Моргенштейн вообще не стрелял. Погодин и Балаганов их убивали. Балаганов тогда погнался за тем, который убежал, а Погодин как раз выстрелил старику в голову. Но он и так бы наверно умер, я ведь ему легкое прострелил... Он уже весь синий лежал, задыхался...

– Да плевать! Ты что, пророк? Что ты заладил: «Умер бы! Умер!» Как ты можешь это знать наверняка? Может, выжил бы! Да и в любом случае, закон есть, а он четко определяет: в данной ситуации ты причинил потерпевшему Асалханову тяжкие телесные повреждения. Даже не повлекшие в последствии смерть. Убил то его Погодин. Пока он не выстрелил ему в голову, Асалханов был жив, так?

– Выходит, что так... – задумчиво произнес Андрей.

– Значит, только тяжкие телесные, а это уже совсем другая статья и совсем другие сроки. Здесь все ясно, поехали дальше. Ты же стрелял не конкретно в Асалханова, так? Ты даже не знал в тот момент, что он вообще существует на свете. Значит деяние не умышленное, правильно? Ты стрелял по не выполненному требованию об остановке для проверки транспортного средству, с целью его задержать. По транспортному средству, понял? По колесам, по мотору! Не по находящимся внутри людям. Так?

– Я испугался тогда, – смущенно потупился Андрей. – Мы ведь арабов-наемников ждали. А они, те еще вояки... Душа не на месте была. Когда командир «огонь!» крикнул, я ближе всех к машине был. Ну, думаю, все, звиздец! Сам не помню, как стрелять начал, а уж чтобы целиться куда-то конкретно, такого вообще не было...

– Вот я и говорю, – гнул свое следователь. – Типичное ранение по неосторожности. Целился в машину, а попал в человека... Самый обычный несчастный случай! Умышленным убийством даже не пахнет! А учитывая положительные характеристики, активное участие в контртеррористической операции и прочую лабуду, я думаю, можно твердо рассчитывать на условный срок.

– Не может быть! – в волнении подскочил со стула Андрей, искательно заглядывая в водянистые ничего не выражающие глаза следака. – Вы, правда, так думаете?! Так действительно можно сделать?! Да я Вам по гроб жизни благодарен буду! Все что угодно для Вас сделаю! Мама каждый день за Вас Бога молить будет! Только помогите! Нельзя мне в тюрьму! Мама старенькая уже, больная, ей работать нельзя, а у меня сестренка меньшая растет, невеста уже. Как они без меня? Помогите, прошу, век благодарить Вас буду!

– Тихо, тихо, – замахал на него руками Шинников. – Ты еще на колени тут бухнись! Это же просто моя работа, следить, чтобы в тюрьму садились те, кто это заслужил, а невиновные, соответственно, были оправданы. А ты, Бога молить! Дурачок ты еще, молодой... А благодарить тогда станешь, когда на суде по меньшему пределу получишь и к мамаше своей вернешься, понял?

– Понял, – быстро закивал головой, преданно глядя на следователя, Андрей.

– Ну и хорошо, – посуровел лицом тот. – Давай теперь решать, как лучше нам с тобой поступить, чтобы из этой истории с меньшими потерями выпутаться.

Весь превратившись в слух, Андрей сидел на стуле подавшись вперед, не сводя с Шинникова оживших, заблестевших глаз. Он уже полностью доверял этому человеку, готов был выполнить все, что пожелает вернувший ему надежду следователь. Старый, как мир, но до сих пор сохранивший свою убийственную эффективность прием вхождения в доверие через сплетение интересов, создание у противника ложного ощущения общности целей и задач, как всегда подействовал отменно. Шинников в душе довольно ухмыльнулся, поздравляя себя с верно выбранной тактикой, так быстро давшей нужные результаты, усилием воли удержался от желания довольно потереть руки и перешел в решительную атаку.

– Для того, чтобы мы с тобой смогли справиться со сложившейся ситуацией, необходимо предъявить суду истинных виновников.

– Истинных? – удивился Андрей.

– Ну да! Настоящих! Не ты же, вчерашний студент, практически добровольцем пошедший защищать Родину, устроил эту кровавую бойню! Ее устроили другие люди, которые сейчас всячески изворачиваются и лгут, пытаясь перевалить свою вину на безответных стрелочников вроде тебя! Вот до них-то и надо добратся!

– Да, я помню, – медленно проговорил Андрей. – Прежде чем отдать приказ о расстреле, капитан несколько раз выходил на связь с оперативным. Еще требовал уточнить приказ... Да, точно! Ему же приказали расстрелять чеченцев! Надо выяснить, кто этот приказ отдал, и тогда...

– И тогда ты сядешь до конца жизни, – замороженным голосом прервал его следователь, мысли арестанта неожиданно потекли в совсем ненужном и небезопасном направлении, это надлежало немедленно пресечь, иначе могли разом пойти насмарку все предыдущие старания. – А жизнь эта будет очень короткой, до первой ночи в камере. Утром выяснится, что ты так неудачно свалился с верхних нар, что сломал себе шею, можешь мне поверить.

– Но...

– И никаких «но»! Если хочешь жить, забудь о том, что кто-то сверху отдавал какие-то приказы! Это не твой уровень, не твоего ума дело! К тому же, ты ни в чем не можешь быть уверен. Разве ты слышал, что именно передали из штаба Моргенштейну? Так о чем разговор? Ты просто думаешь, что ему отдали такой приказ, потому что он сам об этом говорил. Вот и все. Но слова и мысли к делу не пришьешь, понял? Выкинь все это из головы! Твой уровень – это Моргенштейн. Он был твоим непосредственным начальником, старшим по званию и должности, значит, несет полную ответственность за происшедшее. Ясно?

– Ясно... – неуверенно протянул арестант.

– Поэтому, нам надо намертво закрепить в деле это положение! За все случившееся несет ответственность капитан Моргенштейн, – тяжело и отдельно, будто вколачивая каждым словом в смерзшуюся неподатливую землю бетонную сваю, пристально глядя в глаза Андрею, произнес Шинников. – А для этого, ты сейчас под протокол сообщишь мне, что приказ о расстреле задержанных чеченцев капитан Моргенштейн отдал до сеанса связи со штабом. Просто приведен в исполнение он был чуть позже, из-за неготовности в тот момент исполнителей. Все! Сообщишь это мне сейчас под протокол, потом подтвердишь в суде и можешь твердо рассчитывать на условный срок.

– Но ведь это неправда... – растерянно произнес Андрей. – Я, конечно, не слышал, что там говорили капитану по рации, но слышал, что он отвечал. Он несколько раз переспрашивал, удивлялся... Мы все удивились, чечены явно боевиками не были... Капитан после сказал, что, наверное, это их связники, или разведка, под мирных маскируются. А расстрелять приказали, чтобы боевики не смогли пленных отбить. Мы потом всю ночь дрожали, думали, вот сейчас нас вахи долбить начнут. И не уйдешь – приказа нет. Лейтеха, ну Балаганов, говорил, что нас как живцов используют... Я ведь рассказывал уже...

– Да плевать, что ты там рассказывал! – брызгая слюной, зло выкрикнул следователь. – Ты условный срок получить хочешь, или нет?! Я тебе говорю, все что нужно, это подтвердить в суде, что расстрелять задержанных приказал именно Моргенштейн. Ну что тебе непонятно? Или ты в тюрьму сесть захотел?! Понравилось парашу нюхать?! Всего несколько слов и свобода, условный срок – херня! Это же на воле, не в клетке!

– Вот значит, как теперь тридцать серебряников выглядят... – тихо произнес Андрей.

Вспыхнувшая было вместе с проснувшейся надеждой в его глазах жизнь стремительно уходила, уступая место прежнему угрюмому безразличию. Следователь видел это, понимал, что допустил серьезную промашку, слишком поторопившись со своим предложением, попытался было уцепиться за уходящего из под его контроля обратно в апатию человека, встряхнуть его, вернуть в реальный мир.

– Да что же ты со своей жизнью делаешь, придурок! – выкрикнул он. – Ради кого ты ее ломаешь?! Ради этих убийц и ублюдков?! Да по ним давно тюрьма плачет! Тебе-то, зачем ради них себя губить?! Сядешь ведь лет на десять! По полной программе тебе вкатают! Одумайся пока не поздно!

– Поздно, наверное, уже, – равнодушно выдохнул Андрей. – Я ведь тоже теперь ублюдок и убийца...

– Ах ты! – уже в настоящей, а не притворной ярости, Шинников замахнулся было на оставившимся взглядом глядящего в стену подследственного, но вовремя опустил руку. Этого побоями не проймешь. Надо как-то по-другому...

– Послушай, – обманчиво мягко начал он. – Давай успокоимся, все тщательно, не горячая и не бросаясь громкими словами, взвесим и обсудим. Хорошо, я готов поверить, что ты такой вот весь из себя несгибаемый герой, готовый ради правды взойти на Голгофу. Убедил! Красавец! Но сам башкой-то своей подумай! Моргенштейн и Балаганов с Погодиным все равно сядут. Причем все трое сядут на длительные сроки. Тут даже без вопросов, ты даже не представляешь, какие силы тут вступили в игру. И ты сядешь вместе с ними. Я тебе предлагаю вариант спасения. Твои показания ни в коем случае никого не утопят. Они просто предадут делу ясность и завершенность. И ты при этом выходишь на свободу. Ну, простая же арифметика: либо вы садитесь все четверо, либо садятся трое, а ты свободен. При этом тем троим, ты ничуть не навредил, просто снял несколько неясных вопросов. Помог следствию...

– И тот, кто отдал этот приказ, с облегчением вздыхает и остается на свободе и в полной безопасности, – мрачно улыбнувшись, продолжил Андрей. – Все я прекрасно понимаю.

– А раз понимаешь, тогда давай с тобой по-взрослому в открытую! – прервал его следователь. – Того, кто руководил операцией все равно к ответственности не привлекут! Это большой человек в Москве, перспективная фигура. Его к делу, ни при каких обстоятельствах не примажут, с твоей ли помощью, или без нее. Понял? Однако, если ты поможешь, то отвести от него подозрения будет немного проще, вот и все... За это тебе предлагают условный срок! Именно за это, а не за то, чтобы ты топил своих уродов-начальников! Ну так как?

– Я и говорю, Иудину долю предлагаете, – кивнул головой Андрей. – Только вот плохо кончил Иуда-то... У нас в группе говорили в таких случаях «не лезь в говно, потом не отмоешься». Так что показания свои я менять не буду...

– Вот как значит, честный и гордый? Хорошо... А как же мать-старушка, о ней ты подумал? О сестренке? Им-то каково будет?

– Они поймут, – без особой уверенности тихо выговорил Андрей, еще ниже опуская голову. – Поймут... Им тоже лучше будет, если стыдиться меня не придется...

– Да нет, дорогой! Стыдиться уж точно не придется. Им вскоре вообще ничего делать не придется...

– Почему это? – вскинул голову Андрей, прожигая следака горящими беспокойством глазами.

– Потому что ты не оставляешь мне выбора, – устало произнес Шинников. – Мне нужны твои показания. И если ты не хочешь их давать, придется пойти на крайние меры. Впрочем, я объявляю тебе ультиматум. Либо ты сейчас и в суде говоришь то, что мне нужно, либо...

Он глубоко вздохнул, собираясь с духом, нелегко было говорить то, что сейчас необходимо сказать, нелегко даже ему, который думал о себе, что уж его-то выдубленную жизнью шкуру ничем не прошибешь.

– Либо что? – севшим голосом спросил Андрей, уже смутно догадываясь, но все еще не веря.

– Либо я передам адрес твоих родных чеченцам, – твердо закончил следователь. – Они обязательно захотят отомстить родственникам бойца спецназа, сам понимаешь. К тому же у тебя теперь целый род личных кровников. Что они сделают с твоей матерью и с сестрой догадаться нетрудно...

Андрей сидел, будто громом пораженный не в силах ни двинуться, ни говорить, ни думать. Перед глазами неотступно стояла провожающая его на вокзале со слезами на глазах мать, маленькая, как-то разом постаревшая, беззащитная, рядом с ней нетерпеливо крутилась не чувствовавшая всей трагедии момента сестренка.

– Ничего личного, парень, – говорил меж тем Шинников. – Просто так сплелись интересы, пойми... Меня самого начальники на вилы взяли, теперь я тебя беру... Неприятно мне это, но выбора, ни у тебя, ни у меня нет... Сутки тебе на раздумья. А завтра, либо показания под протокол, либо, извини... Эй, конвой, уведите его обратно в камеру!

Андрей сам не помнил, как выходил из допросной, как шел, еле переставляя ноги, по гулкому коридору СИЗО. Более-менее приходил в себя он стал лишь в камере, когда забравшись на свою дальнюю верхнюю шконку, наконец, смог позволить себе, зарыв голову в покрытую грязной наволочкой тощую казенную подушку, в отчаянии тихо завывать. Так воет попавший в капкан волк, жалуясь темному небу и пляшущейся на него сверху желтым глазом луне на горькую свою волчью долю, на несправедливость и зло окружающего мира. Вот только волки обычно уходят из капканов. Не пытаются заслужить жизнь, лижа сапоги поймавшему их человеку. Не обращая внимания на боль, они перегрызают защемленную лапу и уходят на трех ногах, без надежды на дальнейшую жизнь. На трех лапах долго не проживешь. Но умирают волки всегда свободными. Андрей не мог перегрызть защемленную лапу, слишком цепко держал защелкнувшийся капкан правосудия. Но умереть он мог. Умереть стоя порой действительно лучше, чем жить на коленях, чтобы по этому поводу не говорили почитающиеся сейчас у нас за пророков приземленные и практичные американцы.

Со шконки он слез только когда в кормушку начали просовывать алюминиевые тарелки с грязной недоваренной сечкой. Присев на нижнем ярусе Андрей с усилием пережевывал клейкую, с изредка мелькавшими волокнистыми нитями вываренной тушенки массу. Ел быстро, ни на кого не глядя, больше похожий на помой едва теплый чай тоже выпил одним глотком, не смакуя, как принято. Пару раз ловил на себе удивленные взгляды сокамерников, но никто не подошел к нему, не поинтересовался причинами столь явного пренебрежения неписанным ритуалом ужина. Не принято в тюрьме без спроса лезть к человеку в душу, захочет, сам все расскажет, не захочет, нечего и пытаться, а то еще за ментовскую насадку примут. После еды, улучив подходящий момент, Андрей подсел к быстроглазому, покрытому сетью татуировок кавказцу по кличке Казбек. С Казбеком за время затянувшейся подследственной отсидки он, можно сказать, сдружился. В самый первый день, когда ошарашенный, ничего не понимающий и от этого всего боящийся новичок переступил порог камеры, опытный вор-рецидивист Казбек взял его под свое покровительство. Заметив под еще не отросшими волосами на правом виске паренька характерную татуировку с расправляющей крылья летучей мышью, он по-свойски спросил:

– В спецназе служил? Какая бригада? Бердская? Ну здорово, братишка! Я тоже в свое время два года отбухал в двадцать второй, в той, что в Аксае, под Ростовом...

С тех пор между ними установились не то чтобы дружеские, но более-менее доверительные человеческие отношения. Ни о каких национальных распрях тут не могло быть и речи. Андрей еще успевший хлебнуть в детстве традиционного советского воспитания был по природе своей убежденным интернационалистом, считавшим, что людей надо делить на категории в соответствии с их душевными качествами, а не по цвету кожи, или форме и разрезу глаз. Профессиональный преступник Казбек, всю сознательную жизнь проживший в большом южном городе, вдали от родоплеменного уклада замшелых горных аулов и научившийся ценить людей за отчаянную бесшабашную лихость и фартовость, не обращая внимание на то, какому богу они молятся о ниспослании удачи, придерживался такого же мнения. А опекать паренька, напомнившего ему о далекой веселой юности и армейской службе, он посчитал своим долгом. При этом не лез назойливо со своей помощью, а просто добрым отношением, почти отцовским покровительством, так расположил молодого арестанта к себе, что тот сам делился с ним всем, что его мучило и тревожило. Вот и сейчас Андрей решил обратиться к Казбеку за советом.

– Скажи мне, Казбек, вот у вас на Кавказе кровная месть принята, да?

– Есть такое дело... – неторопливо и солидно, как и приличествует уважаемому и бывалому человеку, отвечал тот.

– А вот если кто-нибудь не может достать своего кровника, тогда как?

– Значит он трус и не мужчина... – пожал плечами Казбек, удивляясь глупости своего русского товарища. К чему спрашивать об очевидных вещах?

– Нет, ты не понял... Если он в этом не виноват. Если кровник, например, умер, или сел в тюрьму, где к нему никак не пробраться?

– Ты почему спрашиваешь? – хитро улыбнулся Казбек. – Боишься, что чеченцы тебя здесь достанут?

– Да нет, за себя я не боюсь, – отмахнулся Андрей и, решив ничего не скрывать, продолжил. – Я за семью свою боюсь. Сегодня на допросе следак пообещал, что чеченцам адрес моей семьи скажет, если я на своего командира показаний не дам.

– Ва! Вот шакал! – возмутился Казбек.

– Шакал, не шакал, а как сказал, так и сделает, – горько улыбнулся Андрей. – Скажи мне, ты ведь в этом понимаешь, поедут чеченцы мстить моим родным или нет? Что говорят ваши обычаи?

– По обычаям они должны тебя убить, а если не могут тебя, то любого другого мужчину твоего рода.

– У меня в роду нет мужчин. Только мать и младшая сестра.

Казбек долго молчал, понуро глядя в стену.

– Ну так что?! – нетерпеливо дернул его за рукав Андрей.

– Послушай, Андрей, – мягко начал кавказец. – Любому другому, кто спросил, я ответил бы, что ни один настоящий воин не поднимет руку на женщину. Кровная месть касается только мужчин. Слабым женщинам мстить недостойно. Но ты мне друг. Потому тебе скажу по-иному. Эта война ожесточила сердца, люди стали злыми собаками, выросла молодежь, которая ничего не видела кроме войны. Они не знают законов, не чтят стариков, они понимают лишь силу и всегда готовы порвать чужого. Спецназ ненавидят, и если будет случай хоть так поквитаться, его обязательно используют. Мне горько это говорить, но тебе надо знать правду, ты должен сам решить, будешь ты делать, как скажет следователь, или нет. Но если ты откажешься, твоя семья, скорее всего, погибнет.

– Спасибо, Казбек, – грустно кивнул Андрей. – Я и сам знал то, о чем ты сейчас сказал. Просто хотел еще раз услышать это от тебя. Я знаю, что я должен сделать и попрошу тебя еще об одной услуге. У тебя ведь есть лезвие?

– Мойка? – Казбек сделал быстрое движение губами и между ними вдруг, подобно змеиную жалу, на мгновенье проглянула половинка лезвия опасной бритвы. – Конечно, есть!

Казбек неоднократно щеголял перед удивленными сокамерниками старинным воровским умением ловко прятать во рту лезвие опасной бритвы и неожиданно для врага использовать его в рукопашной схватке. Крепко зажав заточенную сталь зубами ей, резко мотнув головой, можно было на ближней дистанции секануть противника по лицу. Можно было, особым образом плюнув лезвием, попасть нападающему точно в глаз. Много чего можно было придумать с этим видом тайного оружия, которым Казбек владел в совершенстве.

– Дай ее мне, – тихо проговорил Андрей, избегая быстрого умного взгляда миндалевидных глаз кавказца.

С минуту подумав, Казбек выплюнул скрывавшееся во рту лезвие на ладонь.

– Это твое решение, – сузив глаза, произнес он. – Мужчина должен жить, только до тех пор, пока можно жить с честью. Отговаривать и мешать не буду. Мойку возьми. Но, все же подумай еще раз, обратно потом этот поступок не переделаешь.

– Спасибо, Казбек, – слабо улыбнулся Андрей. – Я уже подумал...

Вскрываться он решил ночью, когда все уснут, чтобы гарантированно никто не смог помешать. Казбек больше не говорил с ним и даже, демонстративно не смотрел в его сторону, тем самым показывая, что уважает право Андрея самому распоряжаться собственной жизнью. Да у эков в таких ситуациях мешать и не принято, как и помогать, впрочем. Андрей долго лежал неподвижно, дожидаясь пока в переполненной камере восстановится относительная тишина, прерываемая лишь, храпом, да сонным шевелением десятка людей. Голова была

холодной и ясной, изредка вспоминались больные покрасневшие глаза матери и проказница сестренка. «Ничего, – стискивая зубы, шептал тогда Андрей. – Ничего. Зато вас никто не тронет. Просто не будет смысла...» Ну все, больше тянуть нечего. Холодное лезвие, зажатое в чуть подрагивающих пальцах, хищно натянуло кожу на горле. Резать вены на руках он решил не пытаться. Из рассказов сослуживцев знал, что там кровь слишком быстро сворачивается и даже бывали случаи, когда после вскрывших лучевые вены ножевых ударов, враг, ничуть не теряя силы, продолжал бой. Другое дело сонная артерия. Тунгус как то под настроение показал ему место на шее, где она почти вплотную подходит к коже. Легкий порез длиной всего в пару сантиметров и в сантиметр глубиной, мелочь, а человек через минуту отправляется на тот свет. То, что нужно! Левая рука, наконец, нащупала нужное место. Ну! Резкая короткая боль яркой вспышкой ударила в мозг. Обжигающе горячая тяжело пахнущая струя плеснула первыми кровавыми сгустками прямо в ладонь и дальше, звонкими каплями простучав по бетонному полу, будто начинающийся дождь. Испугавшись, что вот сейчас проснутся сокамерники и его все-таки откачают, он натянул до подбородка одеяло, ловя этот хлещущий изнутри фонтан. Голова как-то разом стала пустой и легкой, темнота вокруг завертелась, все ускоряя движение, сжимаясь в быстро уменьшающуюся точку. В последний раз мелькнуло, кружась и удаляясь, перед глазами заплаканное лицо матери. «Все в порядке, мама, – прошептал слабеющим голосом Андрей. – Все в порядке...». Он хотел сказать еще что-то, но непослушные губы не желали шевелиться, расслабленно откинувшись, свесившись со шконки, придерживавшая одеяло рука. Сознание медленно гасло, заполняясь бившим откуда-то сверху ярким светом, заслонявшим собой убогую камеру, храпящих арестантов, двухъярусные нары... Тянувшим за собой... Все выше и выше... Вверх...

В комнату для свиданий Моргенштейн зашел упругим спортивным шагом. В СИЗО, несмотря на отсутствие элементарных условий, он старался себя не запускать, в камере приседал до седьмого пота, удивляя сокамерников, отжимался по несколько сотен раз подряд, на прогулках пытался бегать вокруг тюремного двора. Надзиратели перемигивались между собой, крутили пальцем у виска, откровенно гоготали, но препятствовать съехавшему на физкультуре спецназовцу не решались. Чем бы дитя ни тешилось... Охота мужику ерундой заниматься, пусть его лишь бы другим не мешал. Он и не мешал, к другим арестантам и надзирателям не лез, делал себе потихоньку упражнения. Потому форму за время ведения следствия не растерял, выглядел подтянутым и свежим. Движения были хищными, гибкими, узлами перекачивались под спортивным костюмом мощные мускулы. Софья Павловна, хоть и в первую очередь адвокат, а потом уж женщина, все же глянула сквозь толстые стекла очков одобрительно. Оценила...

– Гутен морген, Эдуард Вольфович, – улыбнулась она, вставая из-за стола и протягивая арестанту тонкую высохшую ладонь.

– Гутен так, Софья Павловна, гутен так. Морген это утро, а сейчас уже далеко за полдень, – смеясь, поправил он, осторожно пожимая ее протянутую руку. – Кстати, действительно ли гутен?

– Вот ведь, все не привыкну. В школе и в институте английский учила, знаете ли. А насчет гутен или нет... Да, есть определенно хорошие новости, – опускаясь на стул и доставая из дипломата какие-то бумаги, сообщила адвокат. – Наше ходатайство об изменении меры пресечения в отношении Вас, Балаганова и Погодина прокуратурой удовлетворено. Решено выпустить всех троих под подписку о невыезде. Так что, поздравляю, сегодня после обеда Вы покинете эти гостеприимные стены.

Она с интересом глянула на своего подзащитного. Софья Павловна имела солидный адвокатский стаж и повидала на своем веку всякого, но вот этот момент всегда доставлял ей несказанное удовольствие. Приятно было видеть, как воспринимают люди, уже смирившиеся с тем,

что попали в лапы к безжалостной Системе, известие о свободе. Сумасшедшая радость молнией сверкнула в глазах арестанта, но внешне Моргенштейн оставался как обычно спокоен, улыбчив, предупредителен и слегка ироничен:

– Подумать только?! Что же такое произошло в большом мире! Умер кто-то из высшего командования, и объявили амнистию всем военным преступникам? Или в Чечне произошел военный переворот и у власти вновь исламские радикалы, а нас решили призвать к крестовому походу на Грозный?

– Ни то, ни другое, – сухо отрезала Софья Павловна, сняв очки и без необходимости протирая замшевым платочком стекла. – Сегодня ночью в камере покончил с собой проходивший с Вами по одному делу Андрей Снегирев. Перерезал себе горло. Это и подтолкнуло прокурора к изменению меры пресечения, побоялся потерять всех подследственных, и так скандал на весь мир...

– Цапель? – отшатнулся Моргенштейн. – Как же так? Мальчишка ведь совсем... Что же он? Довели пацана, сволочи!

Он умолк, растеряно качая головой.

– Тем не менее, если бы не этот прискорбный случай, – с непроницаемым лицом продолжала адвокат. – Ваше освобождение под подписку выглядело бы практически нереальным.

Около ворот СИЗО всегда людно. Сюда приходят родственники и друзья арестантов, чтобы передать им нехитрые, разрешенные ГУИНОм посылки, мнутя под воротами в надежде отыскать возможность послать сидельцам весточку с воли, здесь же торжественно с музыкой и песнями встречают освобожденных. Моргенштейна встречать было некому, кроме нанятого адвоката, никого он в Ростове не знал и, соответственно полагал, что никто не знает его. Оказалось, ошибался, причем сильно. Едва за его спиной хлопнула деревянная дверь размещавшейся при воротах будки КПП, как уши заложило истошным воплем:

– И-и-и! Вот он душегуб! Вот он ирод! Креста на тебе нет! Убивец! Как тебя земля-то носит?!

Моргенштейн удивленно оглянулся и уперся взглядом в пестро одетую кучку людей. Впереди всех стоял испитой согнутый жизнью морщинистый старик в спортивных штанах и драной олимпийке с неряшливо написанным на листе дешевого серого ватмана плакатом в руках. «Убице Моренштерну – справедливый суд!» красовалась надпись огромными красными буквами. Арестант улыбнулся было с грубыми ошибками намалеванному призыву. Но новый вопль, на грани ультразвука, заставил его втянуть голову в плечи.

– Душегуб! Ирод! Глаза твои бесстыжие!

Кричала расхристанная, дородная женщина, неряшливо одетая, с потекшей косметикой вокруг глаз. Она и старик с плакатом явно были здесь заводилами, вокруг них группировалось еще несколько пропитых личностей бомжеватого-синюшного вида. Не зная, что предпринять, Моргенштейн растерянно огляделся по сторонам. Что-либо отвечать демонстрантам, доказывать свою правоту было занятием явно глупым и бесполезным, но и заставить их заткнуться требовалось срочно – шедшие по улице люди уже начали с интересом коситься, на разыгрывающееся возле следственного изолятора шоу. Выручила его из затруднительного положения Софья Павловна, лихо подрулив на сверкающей глянец новехонькой кремовой «десятке» прямо к воротам.

– Не стойте пугалом, садитесь в машину! – властно крикнула она, опустив оконное стекло.

Понятное дело, Моргенштейн не заставил себя долго упрашивать.

– Как Вы здесь оказались? – спросил он, плюхнувшись на переднее сиденье и с видимым облегчением захлопнув дверцу, оставляя снаружи гневные выкрики демонстрантов.

– Стреляли, – улыбнулась адвокат. – На самом деле ожидала чего-то подобного, вот и решила на всякий случай подъехать. Оказалось очень вовремя, правда?

– Да уж, – кивнул головой Моргенштейн.

Почти неслышно шурша хорошо отрегулированным мотором, «десятка» поползла к выезду на улицу.

– Коза крашена! – неистовствовала главная демонстрантка, потрясая кулаками им вслед. – Куда его повезла?! Он же душегуб! Убивец! И тебя, дуру, ночью задушит!

– Ладно тебе, Верка, разошлась! Завали хайло, не пыли, – урезонивал ее старик с плакатом. – Все уже, отработали! Пошли вон лучше за бабками!

– И то правда, – как-то неестественно быстро успокаиваясь, произнесла, вытирая со лба выступивший от натуги пот, женщина. – Пошли.

Перейдя улицу, они остановились возле блестящей лаком спортивной «тойоты». Из машины неспешно выбрался невысокий, смуглолицый кавказец. Остро подбритые усики-стрелочки топорщились над верхней губой.

– Все видел, все слышал! – взмахнул он рукой, останавливая жестом раскрывшую было рот женщину. – Молодцы, все как надо сделали! Вот ваша тысяча, все как обещал!

– Добавить бы надо, Хамид, – задрезжал диском старик. – Нас тама народу-то сколько было... Тысячи на всех мало будет...

– Обойдетесь, – презрительно скривился Хамид. – Меньше водки выпьете, свиньи!

– Сам-то кто, баран горный! – вполголоса, так чтобы не услышал садящийся обратно в машину кавказец, ворчала Вера. – За рубль удавится, урод! Понаехали тут с гор, житья от них русскому человеку нет...

– Пиво-то будем брать, или как? – отвлек ее от бурчания старик.

– А денег хватит?

– Если правильно поделить, – хитро прищурился тот. – Обязательно хватит!

– Тогда конечно, тогда обязательно, – засуетилась женщина. – Пиво без водки – деньги на ветер!

Софья Павловна, несмотря на немолодой возраст водила машину весьма прилично, по-спортивному агрессивно и напористо, впрочем, только такой стиль вождения и позволял относительно быстро перемещаться по вечно забитым потоком автомобилей центральным ростовским улицам. Привычно втиснувшись в левый ряд и притоптав педаль газа, адвокат расслабленно откинулась на сиденье, исподтишка наблюдая за своим подзащитным. Моргенштейн мечтательно улыбаясь, следил за летящими по сторонам тенистыми бульварами, заполненными ярко одетыми пешеходами, впитывал каждой порой картины долгожданной свободы. Не было в его облике и следа раскаяния или подавленности, просто обычный довольный судьбой и жизнью человек с абсолютно чистой ничем не отягощенной совестью. Это всегда поражало Софью Павловну, надо же, пусть не своими руками, а все же лишил жизни шестерых ни в чем не повинных людей и ничего! Не страдает бессонницей, судя по здоровому свежему виду, не вымаливает у бога и людей прощения, никаких моральных страданий не испытывает... Конечно, формально Моргенштейн, действовавший по приказу своего начальства, может быть и невиновен, да что там, действительно невиновен. Софья Павловна искренне так считала, потому как за долгую адвокатскую практику убедилась, успешно защищать в суде интересы человека, которого сам считаешь виновным, невозможно, и раз такое дело, честнее будет сразу отказаться, не тратя зря свое время и деньги клиента. Но все же шесть человек лишённых жизни, это не шутки, не вяжется это как-то с непоколебимым спокойствием подзащитного, не вяжется... Или он такой толстокожий, что вообще не умеет чувствовать чужую боль и сопереживать ей? Тоже нет, вон как задергался, когда узнал о самоубийстве этого Снегирева... Станный тип, непонятный...

– Радует свобода, Эдуард Вольфович?

– Радует не то слово... Скорее опьяняет! Хорошо-то как! Небо, воздух, люди ходят! Девушки! Софья Павловна, честное слово, даже забыл уже как они выглядят!

– Ну вспоминайте, вспоминайте... В Ваши годы пора бы уж и семью иметь...

– Да какая семья! – отмахнулся Моргенштейн. – Наши жены, пушки заряжены! С такой службой, какая жена выдержит! А уж теперь, за зэка точно никто замуж не пойдет!

– Все шутите, веселитесь, – с неожиданно прорвавшимся раздражением процедила, сжав губы адвокат. – Неужели никакое чувство вины Вас не мучает, не по закону, чисто по-человечески хочу спросить...

– А что должно мучить? – враз потускнел, ощетиниваясь иголками недоверия Моргенштейн. – Я себя виновным ни в чем не считаю. Я солдат и лишь выполнял приказы.

– Да верю я Вам, верю, – мягко, успокаивающе произнесла Софья Павловна. – Я тоже согласна, что Вашей вины в происшедшем немного. Просто ведете Вы себя так, будто ничего не случилось, а ведь люди погибли...

– А Вам хотелось бы, чтобы я волосы на себе рвал и головой об стенку бился? Так не с чего мне. Вы с Погодиным при случае поговорите, он хоть и простой необразованный мужик, но суть вещей, порой получше многих профессоров понимает. Он Вам просто скажет, не на мне грех, а на том, кто приказ отдал.

– Но приказ ведь был преступный! Ваш начальник просто хотел таким образом скрыть свои личные просчеты и ошибки!

– Тогда мы этого знать не могли, – пожал плечами Моргенштейн. – Случись сейчас такое, может быть, и усомнились бы, а тогда верили... Командиру как не верить?

– Может все проще? Может быть просто сыграла свою роль озлобленность против чеченцев?

– Да бросьте, я к ним совершенно нейтрально отношусь! Не надо мне национализм шить! Лично мне они ничего плохого не сделали, может, не успели просто, но факт есть факт, лично я от них никакого вреда не видел. Работа такая, вот и все. Были бы там на месте чеченцев эскимосы, или эфиопы, там, я не знаю... Расстреляли бы и тех точно также...

– А поволжских немцев? – улыбнулась адвокат.

– Что немцев? – не понял сразу Моргенштейн.

– Поволжских немцев, спрашиваю, тоже бы расстреляли?

– И немцев тоже! Издеваетесь? Да поймите Вы, наконец, не маньяк я, не убийца-садист. Был приказ, я его выполнил, не было бы приказа, я бы их пальцем не тронул. Я нормальный, адекватный человек. Действительно, там всякие попадают... Есть и те у кого крыша конкретно течет со всех щелей... Взять хоть командира 512-ой группы. Был такой, капитан Кукаринцев. Вот тот мог чичей и просто так без всякой причины в распыл пустить, просто под настроение... Этот парень на самом деле сдвинулся, ненавидел местных, при любой возможности убивал... Говорил, что личную войну с ними ведет... Позывной у него был «Люд»...

– Странный какой-то позывной...

– Ему очень подходило... – криво улыбнулся Моргенштейн.

Люд

Урал, натужно хрипя движком на пониженной передаче, переваливался на выбоинах и неровностях когда-то бывшей асфальтированной дороги. Когда-то, это лет десять с лишним назад, при Союзе, до обретения долгожданной независимости и суверенитета. Тогда дорога была вполне сносной, а еще безопасной. Вообще многое тогда было гораздо лучше, чем теперь. Вот, например мелькнувшая справа на кромке леса не то птицефабрика, не то молочная ферма когда-то исправно функционировала, поставляя в закрома Родины то ли молоко, то ли мясо. А теперь она, так же как и дорога, была... Так же как и город, называемый Грозным, был... И городков и поселков размером поменьше без счета. Тоже, были... И населения миллион с лишним, было когда-то...

Убаюканный мерным покачиванием такой уютной, такой домашней, тянущейся вдоль борта кузова деревянной лавки Люд тряхнул головой, сгоняя сонный морок. Не время спать, не время. До тех пор пока не добрался до койки в надежно охраняемом пункте временной дислокации рейд не закончен и то, что они уже погрузились в прибывший специально за ними транспорт, движутся по сто раз проверенной и безопасной дороге, а вокруг не ставшая привычной ночная темень, а яркий солнечный свет ни о чем не говорит и ничего не гарантирует. Здесь смерть может прийти в любую секунду, здесь вокруг аномальная зона по недоразумению именуемая человеческим именем Чеченская Республика, живущая по своим нестабильным изменчивым законам ничего общего не имеющим с законами федеральными и вообще любыми законами цивилизованного мира. Цепко оглядевшись, насколько позволял откинутый наверх задний полог тента, Люд удовлетворенно вздохнул. Густые заросли молодых корявых деревьев и кустарников тянувшиеся справа от дороги сменились ровным степным разнотравьем, просматривающимся до самого горизонта. Слева лениво катил мутные желтоватые воды Хумык. На том берегу реки тоже, сколько хватало глаз, тянулись покрытые молодой сочной травой поля. Врагу даже при большом желании им напакастить все равно засесть негде. Разве что какой-нибудь камикадзе мог попытаться пару раз пальнуть, прежде чем его самого вобьют в землю, разорвут в клочья ответным огнем, но подобные отморозки встречались теперь крайне редко, большинство джигитов к собственной жизни относились достаточно трепетно, не то, что в начале войны – Аллах акбар и вперед на пулеметы, повыбили фанатиков. Однако, это не повод для того, чтобы расслабляться. Сами за их, да и свою военную науку тоже не мало крови пролили. Крови вообще было много и своей и чужой, иногда казалось, что своей больше, иногда нет...

– Эй, старшие бортов! Не спать, уроды! Глаз на жопу натяну, если вахов проморгаете!

– Нормально все, тащ капитан! Мы бдим, все спокойно, – с развязной прибалтненной интонацией произнес, поднимая голову и шуря красные от недосыпа глаза, сержант по прозвищу Жердьяй.

– Бдишь, Жердьяй? Хорошо, что не бздишь, а то и так от ваших портянок вонючих не продохнуть, – вклинился в разговор заскучавший от монотонно-однообразной дороги заместитель командира группы молодой, меньше года как из училища, лейтенант.

– Можно подумать, Бизон, ты французским парфюмом благоухаешь, – беззлобно оборвал его Люд. – Нечего тут из себя аристократа корчить. Пни вон лучше Тунгуса, а то он скоро храпеть начнет вместо того, чтобы фишку рубить.

Прозванный Бизоном за удивительное для разведчика бычье телосложение, что впрочем, не мешало ему, когда это нужно двигаться с потрясающей быстротой и ловкостью, лейтенант одним гибко-стремительным движением сгреб сидящего у левого борта снайпера за воротник и хорошенько встряхнул.

– Дембель проспишь, солдат!

– Я не спать! Я глядеть! – возмущенный столь фамильярным обращением сын якутского народа совершенно позабыл сложные грамматические правила русского языка, чем вызвал гомерический смех всей группы.

– Хорош ржать, кони! – гаркнул Люд, перекрывая дружный гогот.

Смех стих мгновенно, будто резко повернули регулятор звука, бойцы судорожно задвигались, поправляя оружие и снаряжение, натягивая на лица маски тупых исполнительных слуг. Люд медленно обвел их внимательным взглядом. Все было хорошо и правильно, лишь лейтеха по всегдашней своей строптивости попробовал было сыграть с командиром в гляделки, но уже через несколько секунд все же опустил глаза, делая вид, что рассматривает что-то невероятно важное на полу. Остальные даже не пытались. Люд про себя довольно усмехнулся, знал, что его взгляда не выдерживают, боятся... Это хорошо, боятся, значит уважают...

– Извините меня, парни, – тихо и мягко проговорил командир. – Не люблю я веселья до возвращения, как бы не накаркать чего... Вы ведь не сердитесь на меня, правда?

И снова пристальный осмотр, и снова вместо лиц лишь бритые макушки склоненных голов. Почему-то сейчас это злило... Хоть бы один в глаза глянул, хоть бы один... Ведь еще совсем недавно все было по-другому... Группа была слаженной дружной семьей, где каждый боец почитал его, Люда, за строгого, но однозначно справедливого отца. В то время им никогда не приходило бы в голову его бояться, по-крайней мере просто так, без всякого повода. И лишь недавно все изменилось... А может давно, просто он не замечал... Но почему? Должна же быть какая-то причина? Должна... Но об этом после... Сейчас главное одернуть не в меру развеселившихся бойцов. Они молодые, зеленые, не понимают, что здесь нельзя расслабляться ни на секунду, что кругом, куда ни глянь, злобный коварный враг, ловко маскирующийся и только и ждущий, что пустить им пулю в спину. Они слишком молоды и не умеют ненавидеть так, как умеет он, потому не могут быть всегда на стороже, они давно погибли бы здесь, но на их счастье есть опытный никогда не позволяющий себе забыть, что они на войне, командир.

– Что молчим, уроды?! Уже не весело?! – голос Люда срывается на истеричный визг. – Правильно! Не хрена веселиться! Мы на войне, а не в цирке! На войне, блядь! Всем понятно!

Горящий настоящей отнюдь не наигранной ненавистью взгляд вновь оббегает кузов, вновь утыкается в покорно опущенные головы.

– Жердьяй, Тунгус, ребятки, смотрите внимательно, ладно? Мало ли... Сами знаете, всякое здесь бывает. Знаю, устали, тяжело... Но мы все на вас надеемся. Не проморгайте, лады? – голос вновь звучит мягко и почти просительно.

Тунгус от такого внезапного перехода испуганно вздрагивает, а откуда-то из ближнего к кабине угла долетает свистящий шепот: «Псих контуженный, вот послал Бог командира на нашу голову...». Урал, мерно покачиваясь, ползет вперед, с каждым метром приближая бойцов группы спецразведки к желанному полевому лагерю, к бане с горячей водой, нормальной не консервированной пище и самому уютному в мире ложу – брошенному на деревянные нары матрасу.

После короткой вспышки гнева Люд погружается в вялое оцепенение, гипнотизирующий ритм колыхания машины, накопившийся за время рейда недосып и уныло однообразный пейзаж за бортом кузова делают свое дело. Командир группы недоволен рейдом, ничего достойного внимания за неделю блуждания по окрестностям не случилось. Сняли информацию с завербованных агентов в селах, проверили оперативные данные насчет склада с оружием, как обычно не подтвердилось, да три дня просидели в засаде на окраине затерявшегося в лесу хутора в ожидании бандитского связника, который так и не пришел. Не густо. Просто зря потерянное время с точки зрения командования и непростительный простой в той личной войне, которую здесь вел Люд. Да, именно так, в отличие от большинства своих сослуживцев командир группы спецразведки капитан Кукаринцев здесь вел войну, а не принимал участие в контртеррористической операции. И в последнее время совмещать эту личную войну против чечен-

ского народа с исполнением служебных обязанностей становилось все труднее. Уж больно либерально и мягко старались действовать командиры и начальники. А Люд никакой мягкости и законности не хотел, он хотел крови. Свежей, горячей, фонтаном бьющей из порванных пулями вражеских тел... Иногда он сам себе представлялся таким ненасытным вампиром, который вынужден проливать кровь других, чтобы жить самому. Ни страха, ни отвращения этот образ, возникающий в воспаленном измученном постоянными стрессами мозгу, не вызывал, наоборот казался притягательным исполненным своеобразного шарма и мрачной романтики. Люд отдавал себе отчет, что с ним творится что-то неладное, что проснувшись и пожирающая мозг атавистическая тяга к убийству явление совсем не нормальное, замечал, что его недолюбливают и боятся однополчане и подчиненные, но ничего не мог с собой поделать. Да если уж совсем честно, не только не мог, но и не хотел.

– Что я буду делать, когда все это закончится? Кого тогда убивать? Хотя чичей еще много, на мой век хватит...

Поймав ошалелый взгляд Бизона, Люд понял, что последнюю мысль, забывшись, произнес вслух и, стараясь сгладить произведенное этими словами впечатление, принужденно рассмеялся. Бизон тоже неуверенно улыбнулся, глядя в блеклые глаза командира, из которых на него смотрела пустота высохшего в знойной пустыне колодца с затаившимся где-то глубоко на дне безумием. «Надо быть внимательнее, – внушал себе тем временем Люд. – В последнее время что-то участились такие вот опасные оговорки. Пока парни просто смотрят с подозрением, но если так пойдет и дальше, то недалеко и до врачей. А к врачам мне нельзя. Нельзя, пока не кончится эта война. Ребята без меня пропадут, и пусть себе косятся сколько угодно с недоверием и страхом. Потом они и сами поймут. Потом благодарить будут. Поэтому надо быть осторожнее, меньше думать, меньше говорить... Ведь на самом деле все нормально... Нормально...». Он повторял и повторял это «нормально», как заклинание, чувствуя, как леденеют кончики пальцев, а в голове мучительно пульсирует зарождающийся огненный шар непереносимой периодически накатывающей откуда-то изнутри боли, как он растет, распирая ставшие тесными стенки черепа, а перед глазами яркой метелью кружатся радужные мушки.

Грохнуло когда они въезжали в Курчалой, уже потянулись по сторонам от дороги первые окраинные постройки, пахло жильем и разведчики ощутимо расслабились, в самом поселке нападения боевиков никто не ждал. Асфальт перед капотом Урала вздыбился, будто дорога вдруг решила выгнуть натруженную спину, ярко полыхнуло пламя взрыва, мощный кулак ударной волны с размаху врезал по кабине, вышибая лобовое стекло, сминая железо крыши и играючи переламывая шейные позвонки водителю. Последним инстинктивным усилием, сидевший за рулем солдат-срочник еще успел вдавить в пол педаль тормоза, и автомобиль с намертво заклиненными колесами юзом швырнуло в кювет. Впрочем, находившиеся в закрытом тентом кузове разведчики этого не видели, сначала резкий толчок бросил их головами вперед в центр кузова, создав в какой-то момент на дощатом полу чудовищную мешанину из тел, оружия и снаряжения, и лишь потом до них докатился грохот взрыва.

Люд чувствительно приложился лицом об чей-то автомат вдрызг раскровянив нос и разорвав щеку. Зашипев от боли, он отпрыгнул назад к борту, судорожно вцепившись в поддерживающую тент дугу и устояв на ногах.

– Фугас! Суки нас подорвали! Из машины, уроды! Быстро! – ревел он, раздавая щедрые пинки бестолково возившимся на полу бойцам.

Сидевшие с краю уже были снаружи, лихорадочно передергивая затворы падали за колеса, шупая окружающее пространство настороженными стволами. Не долго думая расправивший ножом тент и протиснувшийся в прореху, Бизон метнулся к кабине, рывком распахнул дверцу водителя и, уцепив солдата за рукав камуфляжной куртки, вовсе не деликатно выволок безвольное тело на землю. Помощь уже не требовалась. Бизон на всякий случай прижал пальцы к тому месту на шее бойца, где, по его мнению, должна была проходить сонная артерия,

но биения пульса не услышал. Результат его не удивил, действие было предпринято чисто на автомате, по неестественно вывернутой голове он давно понял, что парень мертв. Отшвырнув еще теплое тело в сторону, лейтенант головой вперед сунулся в кабину, кроме водителя там должен был быть еще старший машины. Вытянутые руки вляпались во что-то теплое и липкое, Бизона передернуло от отвращения, но он уже нащупал ворот куртки, а сдавленный стон подсказал, что на этот раз его усилия не окажутся напрасными. Сильный рывок и с натужным вскрипом лейтенант перевалил чужое враз погрузневшее тело через неловко вздыбившееся сидение, выволакивая из покореженной кабины наружу. Прямо перед ним оказалось бледное, перемазанное кровью лицо старлея, бывшего старшим машины, губы лихорадочно прыгали, сляясь выпихнуть какие-то слова, широко распахнутые глаза смотрели куда-то вдаль сквозь Бизона. Понятно, мужик в шоке и, скорее всего, ранен.

– Док, ко мне! Здесь раненый! – во весь голос заорал лейтенант, подзывая санинструктора группы.

Однако вместо Дока с полевой медицинской сумкой рядом почему-то оказался Люд, раскрасневшийся, с азартно блестящими глазами и перемазанной кровью физиономией.

– Командир! – схватил его за грудки, вглядываясь в лицо, Бизон. – Ранен?

– Отцепись!

Люд одним коротким движением выскользнул из захвата, вскинул автомат и танцующими приставными шагами пошел вперед, обходя машину. Тут только Бизон разглядел, что кровь толчками выхлестывает из разбитого носа командира.

– Фугас! – рявкнул Люд, выглянув из-за капота и оценив солидную воронку, образовавшуюся посреди дороги. – Быстрее всего управляемый! Поторопились кнопку тиснуть, а то всех бы в ключья разнесло! Парни, эта сука где-то рядом!

Бизон быстро огляделся. Бойцы, грамотно рассредоточившись вокруг машины, ошетилившись настороженными стволами, крутили головами по сторонам. Слава Богу, все вроде живы. Справа от дороги стоял покосившийся сарай с вывеской «СТО», слева пологий откос переходил в небольшой, щедро усыпанный обкатанными рекой гольшами, песчаный пляжик. У самой воды замер зеленый, крытый выгоревшим брезентовым тентом «УАЗ» с гражданскими номерами, а чуть дальше вдоль реки улепетывал молодой парень в джинсовой куртке. Бизон крикнул, чтобы привлечь внимание Люда и указал рукой на бегущего чеченца.

– Вон он, сука! Вон!

Люд, кровожадно оскалившись, вскинул автомат, но, вдруг передумав, бросил Бизону через плечо:

– Возьми троих посмотри сарай! Я сейчас. Копыто, со мной!

Люд видел, что русло реки буквально в сотне метров делает крутой поворот и, если чеченец так и будет бежать вдоль берега, у них появлялся шанс выскочить ему наперерез. Красный туман боевого бешенства затапливал сознание, делал рефлекс в сотни раз быстрее, в тысячи раз обостряя остроту всех чувств, глуша повседневное сознательное восприятие реальности, отбрасывая его в глубинную черноту мозга, выводя на первый план инстинкты охотящегося первобытного зверя. Синяя джинсовая куртка беглеца то и дело мелькала над откосом, и Люд не отрывал от нее глаз, будто сопровождал движущуюся мишень на зачете по стрельбе. Он знал, что вовсе не его командирское дело гоняться за удирающим боевиком, что он должен в первую очередь проверить, живы ли бойцы группы, нет ли среди них раненых, нуждающихся в помощи, толково организовать оборону на случай внезапного нападения или снайперского обстрела, да мало ли в такой ситуации забот у командира. А удирающего во все лопатки духа вполне мог стреножить тот же напряженно сопящий за левым плечом Копыто. Но проснувшийся где-то глубоко внутри, жаждущий крови зверь неумолимо и властно требовал лично броситься в погоню, первым вцепиться зубами в горло жертве, по праву сильного, по праву вожака этой стаи.

С разбегу они вылетели на край откоса прямо перед носом у бегущего чеха, заметив военных, тот резко изменил направление движения и, заверещав, как затравленный охотниками заяц броском метнулся в сторону. Люд уже рассмотрел, что враг безоружен, по-крайней мере в руках у него ничего нет.

– Живым брать суку! Живым! – проревел он, взвываясь в воздух в мощном прыжке.

По всем расчетам приземлиться он должен был точно на спину метавшемуся под откосом чеху, но в тот момент, когда пальцы разведчика уже готовы были сомкнуться на горле врага, чеченец внезапно остановился и вся девяностокилограммовая тяжесть тела Люда пришлась не на центр его спины, а на правое плечо. Инерция удара развернула чеха вокруг оси, а Люд хрипло взыв от досады сумел лишь рвануть на себя рукав джинсовки и кубарем покатился по песку. Перепуганный чеченец метнулся в сторону и с разбегу налетел на второго разведчика, да так неудачно, что умудрился изо всех сил засветить выставленным вперед плечом Копыту под дых. Солдат согнулся, судорожно ловя ртом ускользящий воздух, а чеченец, совершенно потеряв голову, развернулся и бросился назад точно навстречу поднимающемуся с песка Люду. Тот криво ухмыльнулся, и встретил летящего, не разбирая дороги врага простым и безыскусным прямым в голову. Чеченец рухнул на колени, да так и остался стоять, согнувшись и ошалело мотая головой. Люд тут же добавил с ноги влет, без всяких изысков по-футбольному, прямо по мячу – голове. Чех коротко всхлипнул и сунулся лицом в песок, потеряв сознание. От реки, тихо постанывая и переломившись пополам в поясе, брел Копыто.

Люд деловито перевернул чеченца на спину, всмотрелся в разбитое рифленным протектором десантного ботинка лицо. Молодой парень, лет двадцать – двадцать пять, не больше. Из свернутого набок носа тонкой густой струйкой ползла по щеке темная кровь. Быстро охлопав карманы куртки и брюк, Люд извлек из них немудреный набор: одноразовую зажигалку, смятую пачку дешевых сигарет, потертый кожаный бумажник и связку ключей. В бумажнике обнаружили паспорт, водительские права и несколько сотенных купюр, остальные находки Люд небрежно бросил на песок. Деньги разведчик, не считая, сунул себе в карман брюк, права еще старого образца, бумажные, разорвал и отбросил в сторону, а вот паспорт принялся изучать куда более внимательно.

– Так... Хамзат Умарович Гелиханов... восьмидесятого года рождения..., прописка местная... Ясно. А ну, Копыто, плесни ему водичкой на морду, хватит отдыхать. А то, как фугасы ставить, так они как стахановцы пахать готовы, в три смены, а тут слегка ботинком задели и уже полчаса валяется.

Кряжистый, крепко сбитый Копыто молча отстегнул с ремня армейскую фляжку и тонкая струйка теплой щедро сдобренной обеззараживающими таблетками воды полилась на лицо отключившегося чеченца, затекая тому в нос, брызгая в глаза, перемешиваясь со струящейся по щеке кровью. Парень вначале сморщился, потом замотал головой, пытаясь уйти от льющейся сверху струи, наконец, громко чихнул и рывком приподнялся в сидячее положение, протирая глаза руками. Копыто прикрутил колпачок фляжки, кивнув Люду на чеченца, мол, пожалуйста, Ваше приказание выполнено, пользуйтесь, и отступил в сторону, на всякий случай поудобнее перехватив автомат и время от времени внимательно и недобро зырякая по сторонам.

Люд присел рядом с чеченцем и, дождавшись, когда тот опустит трущие глаза руки, пристально глянул ему в лицо.

– Где пульт, сука? Дистанционка где? Понимаешь про что я, обезьяна? – почти ласково выговорил он.

Чеченец непонимающе затряс головой, вид Люда перемазанного уже засохшей кровью, похоже, сильно впечатлил пленника, он смертельно побледнел, а губы его всю дрожали, отплясывая танец страха.

– Не понимаешь? Совсем случайно мимо шел, да? Мамой клянусь, да? – нежно пропел Люд, придвигаясь чуть ближе.

Пленник инстинктивно подался назад, всем телом отстраняясь от этого страшного русского.

– А это ты понимаешь?! – в руке разведчика как бы сам собой, из ниоткуда, появился пистолет, причем не табельный «Макаров», а огромный американский кольт. – Сука! Прямо сейчас кончу, здесь же!

Вороненое бездонное дуло равнодушно глянуло прямо в глаза молодому чеченцу.

– Я не знаю! Я машину здесь мыл! Мину не ставил! Не ставил! Правда! Не надо стрелять!

– Не ври мне, сука! – в бешенстве взвыл Люд и, чуть приподняв ствол пистолета, дважды выстрелил над головой парня.

Оглушительный грохот рванул барабанные перепонки, кисло шибанула в нос вонь сгоревшего пороха, чеченец в голос заверещал, отшатнувшись было назад, но крепкая рука разведчика дернула его за ворот куртки, совсем рядом с лицом юноши вдруг оказались налитые кровью, горящие бешенством глаза, горячий ствол проехался по щеке обжигая кожу.

– Зачем тогда бежал?! Бежал зачем, спрашиваю!

– Испугался! Испугался я! – в голос рыдал чеченец. – Думал, на колонну напали! Испугался! Вдруг убьют! Не взрывал я! Не взрывал!

– Тогда кто?! Кто?! Сука! Завалю! Кто в селе фугасы ставит? Ну?! Говори!

– Я... Нет..., не я..., я не знаю, – запинаясь выкрикнул пленник.

Люд глубоко выдохнул, успокаиваясь, и разжал стиснутую на воротнике джинсовки руку, провел ладонью по лицу, будто смахивая облепившую его невидимую паутину, и уже совершенно спокойным взглядом окинул вздрагивающего и инстинктивно пытающегося отползти подальше чеченца.

– Я хочу кого-нибудь убить, – доверительно сообщил ему Люд. – Мне все равно кого... Желательно того, кто поставил фугас. Но в принципе сойдешь и ты.

Чеченец в ужасе замер вглядываясь в пустые водянистые глаза командира разведчиков, внезапно до самой глубины души, до печенок осознавая, то, что сейчас говорит этот заляпанный грязью и кровью русский с пустым взглядом – правда, что он Хамзат сейчас действительно умрет, если не укажет этому убийце другую мишень. Вот сейчас убийца поднимет свой огромный пистолет, вдавит ненормально широкое дуло ему прямо в лоб, привычным движением прикроется выставленной вперед левой ладонью от ошметков мозга и сгустков крови и нажмет спуск, потом спокойно и буднично сунет пистолет в кобуру, перешагнет через дергающееся в агонии на речном песке тело и пойдет по своим делам. А он, Хамзат, будет в последних судорогах сучить ногами по песку, царапать его напряженными пальцами, как тот русский, отбившийся от своих и случайно забредший на огород дяди Самура. Дядя тогда не растерялся и вlepил солдату заряд крупной дроби из охотничьего ружья прямо в живот. Умирал солдат долго, и бывший еще совсем мальчишкой Хамзат с соседскими пацанами стоял над ним, с интересом наблюдая, когда же наступит смерть. Теперь, похоже, тоже самое предстояло пережить ему самому. Он так ясно представил себе картину будущей гибели, что его замутило, а где-то в глубине живота противно заворочался тяжелый холодный булыжник.

– В фильмах обычно считают до трех, – устало и абсолютно безразлично выговорил русский. – Я до столько считать не умею. Поэтому считаю до одного. Итак... Раз!

Остро пахнувший сгоревшим порохом ствол пистолета уперся в лоб чеченца, больно вдавив кожу, палец на спусковом крючке мучительно медленно пополз назад, выбирая свободный ход. Перед затуманенным взором Хамзата вновь мелькнул царапающий пальцами с оборванным до мяса ногтями жесткую землю солдат.

– Я скажу! Скажу! – вскрикнул парень. – Не надо стрелять!

Давление на лоб чуть ослабло, палец на спуске замер. Русский ждал продолжения.

– Я точно ничего не знаю. Но люди говорят, что Абу Махмаев с сыновьями настоящие ваххабиты, они могли поставить фугас, – заторопился чеченец.

– Молодец, – равнодушно похвалил его русский. – Еще что расскажешь?

– Я больше не знаю! Клянусь! Больше не знаю ни про кого! – в панике залопотал Хамзат, отчетливо представляя, что вот сейчас русский выстрелит.

Тот действительно долго медлил, раздумывал, наконец, с явственным вздохом сожаления опустил пистолет.

– Обещал ведь, что не убью тебя. Слово надо держать, а жаль...

Хамзата передернуло от взгляда полного какого-то ненормального тоскливого вожделиния, которым одарил его русский, будто ребенок в красочном детском магазине смотрел на слишком дорогую, недоступную, но от этого отнюдь не ставшую менее прекрасной и желанной игрушку.

– Копыто! Свяжи ему руки и потопали к нашим, посмотрим, что там у них.

Кряжистый разведчик, переваливаясь с ноги на ногу, будто косолапый медведь подошел к чеченцу.

– Лапы за спину, падаль!

Хамзат покорно завел руки назад. Их тут же нещадно вывернули в локтях и туго перетянули узким брезентовым ремнем. Резко вздернув связанные руки вверх, разведчик заставил пленного подняться на ноги и мощным рывком поволок его к искореженному «Уралу». Боль в вывернутых плечах была просто невыносимой, но Хамзат терпел, закусив губу, боясь нечаянно вырвавшимся стоном рассердить своих страшных пленителей.

Около подорванного грузовика кипела деловитая суета. Бизон, размахивая руками и периодически взбадривая нерадивых пинками и подзатыльниками отдавал распоряжения. Док деловито бинтовал плечо привалившегося к переднему колесу старлея, белая марля бинтов быстро набухла кровью, однако выглядел раненый вполне сносно, морщился от боли, но отчаянно пытался сохранить мужественное выражение посеченной осколками лобового стекла физиономии. Ухо – сержант-контрактник и штатный радист группы, тихо матерясь, что-то бубнил в гарнитуру рации, пытаясь выйти на связь с базой сводного отряда. Отдельно от всех в стороне от дороги стояли на коленях заложив руки за опущенные головы двое чеченцев в заляпанном драном камуфляже, за их спинами маячил Цапель, длинный и нескладный срочник, самый молодой разведчик в группе. То, что именно ему было поручено сторожить задержанных доказывало, что Бизон посчитал их абсолютно неопасными и лишь нежелание принимать решения без старшего группы помешало ему тут же отпустить пленных на все четыре стороны.

– Кто такие? – мельком кивнул на нохчей Люд.

– Механики с автосервиса, – пояснил Бизон, пренебрежительно махая рукой. – Документы в порядке. Во время взрыва шаманили чью-то «пятерку», абсолютно убитую. Ни оружия, ни взрывчатки в здании нет, мы проверили.

– Ясно..., – протянул Люд, хищно вглядываясь в покорно склоненные фигуры чеченцев.

– Так что? Отпустить их?

– Погоди пока, я сам побеседую... Что еще?

– Наши все целы, только синяки и царапины. Раньше времени рванули, гниды, нервишки-то не железные. Тунгус и Зяма на охране, смотрят. Ухо связался с местными, сейчас подъедут. За старлеем и его бойцом вертушка вышла. У старлея проникающее в плечо, похоже, дрянь какая-то все же была на фугасе, а может с машины какая железяка, еще порезы лица, но ерундовые, боец готов. С базой почему-то связи пока нет, дрыхнут они там что ли? Вроде все...

– Хорошо, молодец! Иди к радисту, контролируй связь. Если буду занят, на базу сам доложишь...

– Люд, – нерешительно окликнул его, уже отвернувшийся было лейтенант.

– Ну чего еще?!

– Ты бы умылся, что ли... А то ходишь, как оживший мертвец, аж жуть берет. Давай я тебе полью...

– Отстань, не до того!

– Ну как знаешь...

Лейтенант широко зашагал к скорчившемуся за колесом радисту, издалека что-то грозное рыча на тему, будет ли вообще сегодня связь, или нет. Продолжавший монотонно бубнить в гарнитуру сержант исподтишка, так чтобы офицер не рассмотрел, показал ему вытянутый средний палец.

Люд подошел к задержанным и внимательно их рассмотрел. Цапелъ при его приближении попытался было вытянуться по стойке смирно, но командир группы лишь раздраженно махнул рукой, одним скупым жестом отменяя все его старания. Нохчи, как нохчи, лет по сорок, хотя тут можно и ошибиться, возраст у них на глаз тяжело определять, крепкие, в меру небритые, в меру грязные, на боевиков не похожи, да и кто на самом деле похож на боевика? Подойдя к крайнему справа, командир запустил пальцы в жесткие густые волосы и вздернул голову чеченца вверх, тот в ответ ожег разведчика ненавидящим взглядом из-под сросшихся на переносице бровей.

– Не любишь нас? – расплываясь в широкой улыбке, произнес Люд, вглядываясь в искаженное болью и злобой лицо.

Чеченец молчал, лишь задышал придушенно и сипло.

– Ты мне тоже не нравишься, – все еще улыбаясь, сообщил ему Люд. – Может убить тебя? Почему-то мне кажется, что без тебя этот говенный мир станет чуточку лучше... Сам как думаешь?

– Почему хочешь? – заволновался чеченец. – Зачем такой гаварыш? За что?

– А ты меня за что? – дружески осведомился Люд. – Я ехал, тебя не трогал, а ты мою машину взорвать решил. Солдата убил, офицера ранил, мне лицо разбил... Зачем так делал, а?

– Я не делал, – задергался под его рукой, пытаясь заглянуть в глаза, пленник. – Я машин чинил, я не боевик, я механик. Машин людям чиню. Фугас не взрываю!

– Не врешь? Нет?

– Нет, чем хочешь клянусь, не взрывал!

– Значит ты хороший чеченец? Добрый чеченец? Русские тебе как братья, да?

Пленник молчал, лишь быстро-быстро моргали широко открытые испуганные глаза.

– Тогда кто поставил фугас на дороге?! Кто?! Кто?! – затаенный в черную кожаную перчатку с обрезанными пальцами кулак врезался в скулу чеченца, сшибая того на землю. – Кто это сделал, сука?! Он?! Говори! Это он, да?!

– Нет, нет! Не он! Я не знаю, кто это сделал! – отчаянно заголосил чеченец, бросив быстрый взгляд на скорчившегося рядом от страха напарника.

– Врешь, сука! Врешь! По глазам вижу, знаешь! Насмерть забью, сука! Говори!

Пинки тяжелыми подкованными ботинками посыпались градом, на губах разведчика хлопьями выступила пена бешенства. Цапелъ вздрагивал от каждого глухого попадавшего по бессильному телу чеченца удара, так будто били его самого, он отчаянно втягивал голову в плечи, стараясь отвернуться, не видеть впавшего в дикую ярость командира. Охотнее всего он вообще сбежал бы отсюда, но опасался, что если нарушит приказ, командирский гнев обратится на него самого. Люд тяжело дышал, сказывалась усталость и невероятное нервное напряжение последних дней, страх, испытанный при подрыве, сумасшедшая на пределе сил гонка за удирающим чеченским парнем. Однако он не переставал тупо месить ботинками уже обмякшее, не пытающееся закрыться или сопротивляться тело давно потерявшего сознание чеченца. Он уже не выбирал цель для каждого удара, стремясь причинить максимальную боль, как в начале избиения, он просто отводил ногу назад и с размаху втыкал ее в распростертого на земле человека, не заботясь, куда попадет кованый носок ботинка. «Сука! Сука! Сука!» – как заведенный твердил разведчик, хрипло отплеываясь забившей горло слизью, со свистом втягивая в легкие воздух.

– Прекратить! – выкрикнул кто-то сзади. – Немедленно прекратить!

Цепкие пальцы схватили Люда за локоть левой руки, помешав в очередной раз замахнуть, резкий рывок назад чуть не сбил его с ног, но прежде чем обернуться лицом к неожиданной помехе капитан все же успел еще раз опустить каблук на что-то мягкое с хрустом прогнувшееся под его весом.

– Да что же это такое! Помогите же мне кто-нибудь! – надрывался голос сзади.

– А самому что, никак не справиться? – сплюнув вязкую слюну, ехидно поинтересовался Люд, оборачиваясь к говорившему и даже удивленно присвистнул.

Действительно, зрелище было то еще. За рукав его тянул невысокий шуплый капитан в чистой безупречно выглаженной повседневной форме. Встретить такое чудо в Чечне, по мнению Люда, можно было разве что в Ханкале при штабе группировки, но никак не здесь в Курчалое. Оказывается, он ошибался. Ярко блеснули золотом эмблемы с накладных погон – щит с перекрещенными мечами. Понятно, прокуратура в гости пожаловала, сейчас начнет лечить про права человека. За спиной прокурорского капитана замер потрепанный «шишарик» из которого выпрыгивали вооруженные солдаты. Ясно, местные коменданчи на помощь подтянулись. Только на кой хрен они с собой этого петуха привезли?

– Товарищ... – начал было, и тут же осекся прокурорский, только сейчас сообразив, что никаких знаков различия на перемазанном грязью и кровью камуфляже нарушителя порядка не наблюдается.

– Капитан Кукаринцев, командир группы спецразведки ГРУ ГШ, – пришел ему на помощь Люд, еще раз демонстративно сплюнув почти под ноги прокурорскому.

Тот заметно сбавил тон, но все же был исполнен праведного гнева.

– Старший следователь Шалинской военной прокуратуры капитан Дроздилов. По какому праву Вы позволяете себе так обращаться с задержанным? Вообще, что здесь произошло? Почему Вы задержали этих людей?

– Как ты сказал, сынок? – скривился, приставив ладонь к уху Люд. – Почему задержали? Что произошло?

– Я Вам не сынок! – взвился прокурорский. – Потрудитесь объяснить, что здесь происходит?!

– Происходит нападение на спецгруппу ГРУ, возвращающуюся со спецоперации! – рявкнул Люд. – Происходит заранее подготовленная засада с целью уничтожения разведгруппы! Происходит полевой допрос лиц захваченных в непосредственной близости от места подрыва! А ты думал, я тут для своего удовольствия прохлаждаюсь, сынок?

На этот раз прокурорский капитан «сынка» проглотил, проигнорировал так же и явно издевательский тон.

– На каком основании Вы сочли, что задержанные лица причастны к взрыву? – коротко и по-деловому спросил он. – У них найдены подрывная машинка, пульт радиодетонатора, оружие? Может быть, кто-то видел, как они закладывали фугас?

Люд скривился, как от зубной боли, ну началось!

– Послушай, капитан, – попытался было он объяснить очевидное. – Ты же понимаешь, что в таких случаях взять исполнителя с оружием на руках нереально...

– А раз нереально, то я требую немедленно отпустить незаконно удерживаемых гражданских лиц! – отрезал Дроздилов.

– О как! – нехорошо заулыбался Люд. – Требуешь? Да пошел ты в жопу, пидор! Это не тебя, это меня и моих пацанов тут чуть было не убили! Ты, законник хренов, ты что здесь, чичей крышуешь, или как?! Ты сам-то русский, или может нохча крашенный, а?

– Прекратите! Что Вы себе позволяете! – взвизгнул прокурорский капитан. – Да я сообщу о Ваших действиях...

На секунду он замялся, соображая кому бы из больших начальников покруче пожаловаться на произвол, творимый вконец обнаглевшим разведчиком.

– Ага, родной, сообщишь, – нежно промурлыкал ему прямо на ухо Люд, с наслаждением сгребая грязной закопченной пятерней накрахмаленную выглаженную рубашку прокурорского на груди и рывком притягивая его к себе. – Обязательно сообщишь, если жив останешься. Чего я отнюдь не гарантирую. Значит, они тебе бабки платят, а ты за это своих братьев славян продаешь, так?

– Я..., мне..., – возмущенно заперхал сдавленным горлом Дроздилов.

– Угу, – подтвердил Люд. – Само собой. Ты и тебе. Эй, кто там?! Копыто, Зяма! А ну под белы рученьки товарища капитана и в кузов, пусть там посидит охолонет немного! Да не забудьте у него пистолетик забрать, а то ненароком поранится.

Подскочившие разведчики, глумливо улыбаясь, подхватили возмущенно кричащего что-то капитана под мышки и волоком потащили к замершему на дороге «Уралу». Люд повернулся к напряженно застывшим у своей машины комендачам. Те старательно делали вид, что ничего не происходит, ссориться с офицером ГРУ из-за и так доставшего всех своим занудством прикомандированного следака никто не собирался.

– Мужики, кто у вас старший, – дружелюбно улыбнувшись, окликнул их Люд.

Вперед выступил наголо бритый по-борцовски кривоногий крепыш в явно шитом на заказ из легкой пропускающей воздух четырехцветной ткани комке.

– Помощник военного коменданта майор Степченко, – коротко отрекомендовался он.

– Капитан Кукаринцев, – кивнул Люд. – На «ты» нормально?

– Без проблем, – пожал плечами крепыш.

Обменялись рукопожатием, ладонь у помощника военного коменданта оказалась сухой и крепкой, Люду это понравилось, он терпеть не мог вялые потные ладони, робко протягиваемые с желанием чуть что, отдернуть назад, как правило, и хозяин такой руки оказывался боязливым и гниловатым.

– Слушай, тут такое дело. Мы здесь рядом еще одного духа прихватили. Он сдернуть пытался с перепугу, сам, похоже, не взрывал, но когда тряхнули, дал наколочку.

Степченко внимательно слушал, не перебивая и никак не комментируя, и Люд поймал себя на мысли, что ему все больше нравится этот спокойный деловитый парень.

– Адрес: Виноградная, дом 12. Есть вообще такая улица?

– Есть, – кивнул майор. – Скорее не улица, а так переулок. Там одни частные дома.

– Так вот, там якобы живет некий Махмаев с сыновьями. Мой дух говорит, что они ваххабиты и вполне могли фугас поставить. Как думаешь, стоит по горячим следам съездить тряхнуть, или порожняк это?

– Ну ты спросил..., – развел руками Степченко. – Или ты думаешь, я здесь всех вот так вот знаю? Извини, сам не местный. Я про этого Махмаева и не слышал раньше.

– Ну вот теперь услышал! Так что, давай, прокатимся, пока вертушка за раненым идет, чего просто так стоять? – в голосе Люда прорезались азартные нотки, а глаза весело и зло заблестели. – Как говорится, там где не был побывай, а?

– Так вы чего, вертуху за трехсотым вызвали? Что тяжелый?

– Да не, нормально там все, дырка в плече и морда оцарапана...

– А на хрена тогда? Как еще летуны вас не послали...

– А вот не послали! ГРУ все же, сам понимаешь. Ну так что? Вертушка не раньше чем через час будет, успеем смотаться с ветерком. Вдруг повезет?

– Ну блин, уговорил, черт языкастый! Мертвого уболтаешь, поехали!

– Молоток, братуха! Уважаю! – Люд радостно хлопнул комендача по плечу. – Айн момент! Пару человек с собой прихватчу и заму распоряжения оставлю!

«Шишарик» остановили за три двора до нужного дома, не бог весть, конечно, какая конспирация, но лучше, чем вообще ничего. Дальше потопали пешком. Шли в рост, не скрываясь, глупо было бы изображать подкрадывающихся к цели ниндзей на залитой солнцем улице. Степченко деловито шагал впереди, за ним едва поспевали четверо срочников с комендатуры поминутно оглядывающихся на Люда и его команду. Командир разведчиков взял с собой Тунгуса, Жердя и Копыто. От валуховатых комендачей разведчики понятно отличались как небо от земли. Совершенно другая манера двигаться, гибкая хищная, обманчиво небрежно болтающееся на груди оружие, любой понимающий человек сразу бы понял, что в нужный момент пистолетные рукоятки кое-как висящих автоматов сами прыгнут в ладони стрелков, ну и экипировка, конечно, добротный камуфляж, импортные, по большей части трофейные разгрузки с под завязку набитыми карманами, на коротко стриженных головах вошедшие в последнее время в моду косынки. Орлы одним словом, куда уж там комендатурским. Потому и шли позади, старались раньше времени внимание к себе не привлекать.

Вот и нужные ворота, добротно сделанные, сразу видно справный хозяин в доме обитает. Звякнула цепь, коротко, предупреждающе, взлаяла собака, мол, здесь я, на страже.

– Тунгус, обойди дом справа. Копыто, слева. И присматривайте там, мало ли. Вдруг кто-нибудь с нами встречаться не захочет.

– Есть, сэр! – браво гаркнул, подражая виденным в кино американским морпехам, Копыто, ныряя в промежуток между заборами.

Тунгус лишь молча кивнул, вскидывая к плечу «Винторез». Один из срочников, повинаясь знаку майора, с размаху бухнул в ворота прикладом. Псина во дворе тут же ответила яростным лаем. Хлопнула дверь дома, по направлению к воротам просеменили быстрые легкие шаги. Скрипнуло, отворяясь, прорезанное в железе створки ворот маленькое окошечко.

– Зачем пришли? Что нужно?

Женщина. Средних лет, глаза маленькие колючие, смотрят подозрительно, все лицо, сколько видно в окошке напоминает остренькую крысиную мордочку.

– Водки нет. Травы нет. Уходите!

– Махмаев Абубакар здесь проживает? – откашлявшись, спросил Степченко.

– Здесь проживает, но сейчас дома нет. Уехал к брату в гости в Майртуп. После приходите, когда вернется.

– А ты кто будешь, женщина?

– Я его жена, Эльза Махмаева.

– Отлично, – радостно потер руки Степченко. – Раз он уехал, значит, ты теперь здесь хозяйка. Открывай, проверка паспортного режима и досмотр. Сыновья-то дома?

– Никого нет, все уехали. Чужим открывать не могу. Приходите, когда мужчины вернуться.

– Ты чего, тетка? – начал закипать майор. – Сказано же, плановое мероприятие, досмотр и проверка паспортного режима! А ну, открывай!

– Если проверка, почему участковый не пришел? Почему Салиха Акмаева нет?

– Это что еще за перец? – шепотом осведомился Люд у одного из комендатурских бойцов, белобрысого парнишки с пухлыми розовыми щеками.

– Глава администрации местной, – сплюнув, пояснил солдат. – Приказ командующего есть, все проверки только в присутствии администрации, местных ментов и прокурорских. Грамотная, зараза. Сейчас придется разворачиваться.

– А ну ка! – Люд вовсе неделикатно отстранил замаявшегося майора, шагнув к самым воротам.

– Чува мегар дуй, нана? (Можно войти, мать?) – широко улыбнулся он женщине.

Та замерла, не зная как реагировать на прозвучавшие из уст грязного окровавленного гаска слова на чеченском языке. Тогда Люд продолжая обворожительно улыбаться, добавил свистящим шепотом по-русски:

– Отпирай, овца! Не то сейчас подгоним БТР и выьем ворота на хрен. И вот тогда разговор у нас получится совсем неприятный. Ну, чего ждешь? Отпирай! Сих! (Быстро!)

Неизвестно удалось бы все-таки Люду заставить чеченку открыть ворота или нет. Потому что именно в этот момент шаткая рулетка военной судьбы выдала очередное колесо и костяной шарик, пущенный рукой невидимого крупье, вновь запрыгал по лункам человеческих жизней, выбирая, на какой именно остановиться.

За домом в той стороне, куда ушел Копыто, грохнула полновесная автоматная очередь, почти сразу же за ней послышались несколько быстрых хлопков, будто умелый бармен на скорость открывал бутылки с шампанским. Именно такой звук при стрельбе издает бесшумный автомат «Вал», которым был вооружен разведчик. И Люд с Жердям, и комендачи и застывшая по ту сторону ворот чеченка на какую-то секунду оцепенели, они отлично понимали, что значила донесшаяся с задворков перестрелка, понимали, что иллюзия тихой мирной жизни, так удачно заброшенная этим ярким весенним днем на еще только просыпающееся село, грубо смята и сорвана суровой реальностью, что уже гремят выстрелы, стонут раненые, падают убитые, что сквозь прореху в изображающих покой и умиротворение декорациях опять выглядывает звериный лик уже много лет ведущейся здесь войны. Просто так неприятно было опять окунаться в жестокую реальность, в кровь и боль, так отчаянно хотелось остаться здесь в солнечном весеннем дне под пение не потревоженных стрельбой птиц посреди мирного пусть только на первый взгляд села, что они почти инстинктивно оттягивали тот миг, когда иллюзия окончательно рухнет и придется действовать: куда-то бежать, кричать, стрелять...

Секундное оцепенение разрушил звон бьющегося в окне второго этажа стекла. Вскинув голову вверх и мгновенно вычислив выбитое окно, Люд увидел тупорылый ствол ручного пулемета с торчащими снизу сошками, будто сам собой укрепляющийся на подоконнике. Различить стрелка в глубине комнаты было невозможно.

– Все назад! – рявкнул Люд, пригибаясь и одновременно разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

Левая рука почти на автомате вцепилась в воротник куртки так и оставшегося стоять с открытым ртом Жердяя, пригибая сержанта к земле, таща за собой, за спасительный угол бетонного забора окружающего соседний дом, туда, где не достанут пулеметные пули. Краем глаза Люд увидел как медленно, неуверенно, будто в толще воды задвигались комендачи. «Не успеют!» – в какой-то момент отчетливо мелькнуло в мозгу. Первая неуверенная и слишком длинная, будто пробная, пулеметная очередь плетью хлестнула по улице в тот момент, когда Люд уже нырял за забор, все еще продолжая тащить за собой обалдевшего Жердяя. Пули бестолково щелкнули по асфальту, взрыли посыпанную гравием обочину так никого и не задев. Не успел упавший за укрытие Люд порадоваться этому обстоятельству, тут же записав для себя невидимого стрелка в категорию толком не умеющих обращаться с оружием лохов, как две короткие, прицельные, экономно отсеченные очереди перечеркнули сложившееся было впечатление. Первая наискось, поперек живота рубанула замешкавшегося белобрысого солдата, того самого, что говорил о главе администрации, вторая расчетливо осыпала каменной крошкой засевших за массивным развесистым деревом на другой стороне улицы комендачей вызвав взрыв свирепой матерщины и невольный вскрик боли.

– Грамотно, сука, грамотно... – пробормотал Люд присев на корточки и осторожно, в треть лица, выглядывая из-за спасительного забора.

Пулеметчик находился на втором этаже дома, скорее даже не этаже, а эдаком флигеле, типа летней веранды с балконом. Сейчас пулемет молчал, потерявший цели стрелок не желал даром расходовать не бесконечные боеприпасы, и это Люд тоже про себя записал ему в плюс.

Посреди улицы лежал, раскинув руки, словно желал вцепиться в слишком быстро завертевшуюся планету, белобрысый солдат. Эта мысль при взгляде на него возникала сразу же, потому что пальцы парня с маниакальным упорством все сильнее и сильнее царапали покрытие дороги, будто надеясь, что пусть старый выщербленный, но все же асфальт вдруг поддастся усилиям слабой человеческой плоти. Лицо было жутко перекошено в страдальческой гримасе, из ран на груди и животе толчками выхлестывала темная кровь. Почему-то раненый не кричал, видимо эмоциональный шок от всего происшедшего пока заслонял собой боль, не давал ей в полную силу вгрызться в разорванное пулями тело. «Не жилец», – коротко отметил про себя Люд и постарался как можно быстрее выкинуть этого мальчишку из головы, не до него сейчас, о живых надо думать. Он коротко оглянулся на присевшего рядом с автоматом наготове Жердяя и только сейчас заметил еще одного комендантского бойца. Тот, пригнувшись, стоял у забора и, видимо, сам этого не замечая, кусал губы, колени его явственно дрожали, но глаза при этом были шальные, как у готовящегося кинуться в драку за самку мартовского кота. «Откуда он тут взялся? С самого начала что ли за нами следом рванул, а я не заметил?» Люд качнул головой, сам себе удивляясь, старею, похоже, ни хрена вокруг не вижу. Но много времени парень ему на удивление не оставил, судорожно набрав полные легкие воздуха, он вдруг метнулся из-за забора назад к воротам.

– Куда, блядь?! – в голос взревел Люд, едва успев уцепить бегуна за ремень и, одним мощным рывком втягивая его обратно. – Жить надоело, урод?!!

Грохнул пулемет, фонтанчики выбитой из дороги асфальтовой крошки весело процокали совсем рядом с забором. Поудобнее перехватив солдата локтем под горло и чуть сдавив, чтобы не трепыхался, Люд всем телом вжался в нагретый полуденным солнцем бетон забора, страстно желая в тот момент разом стать как можно меньше, муравьем, букашкой, чтобы посланный из дома свинец не нашел его, пролетел мимо. Собственное тело вдруг показалось ему невероятно большим и неуклюжим, огромным куском вытарчивающим из укрытия, таким, в какой просто невозможно промазать.

– Пусти! Пусти! – хрипел, задыхаясь солдат, бестолково дергал руками, сучил ногами в тщетной попытке освободиться. – Пусти! Там Леха остался! Ранен он! Пусти!

– Заткнись, урод! – злобно зашипел ему прямо в ухо Люд. – Убит твой Леха, труп он, все! Двухсотый!

– Врешь, гад! Он живой! Я видел! – захлебывался солдат.

– Все, я сказал! Мертвый он, это агония была, парень! Ты что думал, умирают как в кино? Раз и все? Ни хрена подобного! Вот так умирают, долго, ногти обрывая, за жизнь цепляясь, в крови, в дерьме, в блевотине! Вот так вот! – горячечно шептал Люд на ухо солдату первое, что приходило на ум, изо всех сил удерживая дергающееся бьющееся тело. – А ну, соберись, сынок! В себя приди, воин! Ну!

Солдат, наконец, прекратил попытки вырваться из рук Люда, и теперь лишь крупно дрожал, периодически громко всхлипывая, давясь злыми истеричными слезами.

– Жердяй, присмотри за ним! – зло крикнул Люд, переваливая обмякшее тело бойца себе за спину.

Сам бледный как мел с мелко подергивающимся правым веком Жердяй отнюдь не являл собой образец спокойствия. Однако порученный приказ исполнил с присущей ему добросовестностью.

– Очнись, мазута! – рывкнул он в самое ухо солдата, сопроводив окрик довольно чувствительным тычком кулака в живот. – Очнись и держи нам спину! Улицу в той стороне секи! Понял? Улицу и дома! Прощелкаешь вахов, урою на хер!

Люд уже выбросил из головы бестолкового бойца, все равно в предстоящей схватке рассчитывать можно было лишь на своих, неоднократно проверенных и побывавших во всяческих передрягах. От комендачей теперь требовалось только не путаться под ногами.

– Копыто! Копыто! – позвал он, не высовываясь из-за забора.

– Ответил! – долетел крик из-за дома.

– Что там у тебя?

– Дух с оружием хотел из дома выскочить! – проорал Копыто. – Меня заметил и пальнул.

Я ответил, но не попал. Он обратно через забор прыгнул.

– С той стороны подход к дому есть?

– Нет, чехи из окон секут, не сунешься!

– Хорошо! Будь там, следи, чтобы не выскочили!

– Принял!

– И сам не высовывайся!

– Понял, Вы осторожнее, тащ капитан!

– Без сопливых, – проворчал Люд, невольно улыбнувшись, и вновь заорал, напрягая горло: – Тунгус! Тунгус!

– Ответил! – откликнулся разведчик.

– Как у тебя?

– Тихо, за окнами я смотрю!

– Хорошо! Будь там!

– Принял!

– Ну что, Жердяй? Как сук выкуривать будем? – подмигнув сержанту, спросил Люд.

– На кой хрен нам их выкуривать? – пожал плечами Жердяй. – Вон пусть комендатура и выкуривает. Их проблемы...

– Да нет, сержант, теперь это и наша проблема... – задумчиво проговорил Люд, еще раз осторожно выглянув на улицу.

Кардинально там за прошедшее время ничего не изменилось, только белобрысый Леха окончательно затих, да комендачи возились за своим ненадежным укрытием не то, пытаясь устроиться поудобнее, не то, надеясь, не привлекая внимания стрелка, отползти из зоны его видимости по змеящейся вдоль улицы неглубокой канаве. В принципе положение было конечно патовое. Чехи не могли покинуть окруженный дом, вряд ли их там больше трех-четырех человек, так что на прорыв особо не пойдешь, разве что под прикрытием пулеметного огня, хотя тоже мало реально, да и пулеметчик в этом случае остается на верную смерть. Разведчики и комендачи в свою очередь не располагали достаточными силами для штурма, но время работало на них, стрельба посреди полностью подконтрольного федералам села остаться незамеченной не могла, наверняка сюда уже спешит поднятая по тревоге дежурная смена из комендатуры, а когда она будет здесь духов выкурят тем или иным способом, можно не сомневаться.

– Эй, в доме! – донеслось с улицы, и Люд узнал голос Степченко. – Вы окружены! Сопротивление бесполезно! Выходите без оружия с поднятыми руками! Всем кто сдастся, гарантирую жизнь и справедливый суд!

– Пишел в жоп, пидар! – откликнулся со второго этажа звонкий молодой голос.

– В противном случае вы все будете уничтожены! – невозмутимо закончил майор.

– Заибесся! – тут же отозвались из дома.

– О как! – с осуждением покачал головой Люд. – Грубим... Наглеем... Жердяй, ну-ка, мухой метнись к «шишарику» и на нем к нашим. Там возьмешь у Бизона два «Шмеля», они во бьюке должны быть, он знает. И назад с низкого старта. На все десять минут. Усек?

– Усек, – понятиво кивнул Жердяй и, согнувшись в три погибели, чтобы не мелькать над забором, рванул вдоль по улице.

«Шишарик» вернулся даже раньше отведенных десяти минут, подкатил почти вплотную и встал, лишь когда Люд свирепо замахал водиле рукой. Из кабины вывалился тяжело нагру-

женный выюком из двух толстых зеленых цилиндров Жердяй и потрусил, пригибаясь к замершему у угла забора командиру.

– Доставил, тащ капитан, все в ажуре!

– Молодец, Родина тебя не забудет, – улыбнувшись, хлопнул сержанта по плечу Люд. – Ну, распаковываем! Один тебе, один мне, по-братски.

Много времени на то, чтобы перевести «Шмели» из походного положения в боевое не потребовалось, уже удерживая на плече готовую к применению зеленую трубу с откинутым прицелом и рукоятью Люд начал инструктаж:

– Так, ты, воин, отползи подальше, открой рот и не отсвечивай. Жердяй, готов?

– Всегда готов, – улынулся непослушными прыгающими губами сержант.

– Молодец. Тогда слушай и запоминай. Сейчас я выскочу из-за угла и выстрелю по второму этажу, потом сразу ныряю обратно. Тут же выскакиваешь ты и целишься тоже во второй этаж, на случай если я промазал. Если я попал, стреляешь по первому этажу, понял?

Жердяй молча закивал.

– Не ссы в компот, щас вахов на шашлык пустим! – ободряюще гаркнул командир.

Жердяй опять лишь вяло кивнул, однако Люд предпочел не заметить явного мандража охватившего подчиненного при одной только мысли о том, что придется выскочить пусть всего на секунду под возможный пулеметный огонь. Сам он был весел и оживлен, в мозгу приятно пульсировала до предела накачанная адреналином кровь, рождая бодрость и звенящий яростно-злой кураж. «Щас, суки, щас...», – шептал про себя капитан, размахивая руками, чтобы привлечь внимание залегших в канаве за деревом комендачей. Без их участия, план превратился бы в чистое самоубийство, просто необходимо было, чтобы огнеметчиков прикрыли огнем, оттягивая на себя внимание чехов.

Наконец взаимопонимание было достигнуто, и комендачи, приготовив автоматы к бою, уставились на поднятую высоко вверх руку разведчика. Как только он опустит ее вниз, будет открыт шквальный огонь. И в этот момент в конце улочки взрыкивая двигателем показался БТР, облепленный облаченными в каски и броники бойцами. Степченко в международном жесте всех водителей показал Люду скрещенные руки и махнул в сторону подходящей брони. Завязывай, мол, подкрепление прибыло, теперь и так разберемся. Однако Люд лишь досадливо скривился и резко опустил поднятую руку. Грохнуло несколько очередей, все это время ждавшие сжавшись в канаве от страха, сигнала бойцы с удовольствием принялись опустошать магазины своих автоматов. Так было легче. Стреляли они кто куда, не заботясь особо о том, чтобы целиться, ствол направлен в нужную сторону и ладно. Да, впрочем, точность от них и не требовалась. Пулеметчик немедленно откликнулся, положив несколько длинных очередей прямо перед канавой, в которой корчились, поднимая автоматы над головой, солдаты.

– А-а-и-и-я! – неожиданно тонко взвизгнул Люд, одним прыжком выскакивая на улицу.

Оптический прицел бросил к самому лицу выбитое окошко с торчащим пулеметным стволом, показалось даже, что мелькнула где-то в глубине темной комнаты оскаленная бородастая рожа стрелка. Но уверенности в этом у Люда не было, потому что в этот момент он уже жал спуск, еще в полете, еще не закончив движения, но почему-то, точно зная, что промаха не будет. По ушам ударил басовитый вой, и темная капсула ушла к оконному проему, а разведчик уже метнулся обратно за угол, где, прижавшись спиной к стене, ждал его белый, как мел, Жердяй.

– Ну! – рявкнул Люд прямо в его бледное, мелко дрожащее лицо.

И уперся глазами в пустой расфокусированный взгляд подчиненного.

– Дай сюда! – в бешенстве зарычал он, пытаясь вырвать из судорожно сведенных пальцев сержанта огнемет.

И тут грохнуло, да так, что заложило уши, мгновенно лишая окружающий мир звуков, превращая его в гротескное немое кино. Тяжелым раскаленным ветром пронеслась упругая

воздушная подушка взрывной волны. И даже сквозь забившую уши вату донесся сильно приглушенный, будто долетевший с другого конца земли восторженный вопль комендачей.

Жердяй рванулся на улицу, выдергивая огнемёт из рук Люда, в глазах его плескался предельный ужас.

– На, падла!!! – расслышал разведчик истошный крик.

А потом вновь свирепый вой разбуженной огненной смерти. Струя обратного пламени лизнула угол забора в паре метров от его лица. И снова грохот взрыва. Люду даже показалось, что землю под ногами ощутимо тряхнуло. В мозгу молнией мелькнула мысль о том, что, похоже, шарик раскололся на части, и они все сейчас окажутся в холодном вакууме плывущими среди опаленных огнем кусков планеты.

Из-за угла вывалился, шатаясь и зажимая руками уши, оглушенный Жердяй из под плотно прижатых к голове ладоней сочились тонкие струйки крови. Глаза бессмысленно мазнули по Люду и вновь уставились куда-то вдаль.

– Эй, боец! – окликнул все еще лежащего носом в землю комендатурского солдата Люд.

И поразился, неприятный режущий голос казалось, звучал где-то у него внутри, бился об стенки черепа, абсолютно не вылетая наружу. Однако солдат услышал и вопросительно глянул ошалевшими глазами на Люда.

– Слышишь меня, солдат?!

Боец заторможено кивнул.

– Присмотри за сержантом. Контузило его! Усади, дай воды, что ли! Я сейчас!

Осторожно, держа оружие наготове, он вышел из-за угла и застыл пораженный. Дома больше не было. Просто не было и все, потому, что назвать домом, или даже развалинами груды пылающих обломков посреди двора не решился бы даже самый оптимистичный наблюдатель. Рассчитывать, что кто-то мог выжить в этом аду, было, по меньшей мере, наивно. Люд когда-то давно на учениях видел результат стрельбы из «Шмеля» по специально для этих целей построенному бетонному остову двухэтажного здания и, потому, представлял себе, какой должен быть эффект. Однако такого не ожидал даже он. Люд устало опустил автомат и направился к чудом уцелевшим воротам. Подойдя вплотную несильно пнул железную воротину ногой, постоял, надеясь услышать гулкий звон металла, но в ушах стояло лишь ровное гудение пламени расходящегося пожара, а может это просто ныли протестующие барабанные перепонки. Одна из секций забора рядом с воротами завалилась практически наземь и висела, поддерживаемая соседними, на высоте примерно в пол метра над землей.

Люд легко запрыгнул на поваленный забор, сделал два осторожных шага на пружинящих ногах и оказался во дворе. Пошел напрямую к горящим обломкам, не глядя по сторонам, не заботясь о том, что происходит вокруг. Остановился он лишь когда жар, пышущий в лицо, стал совершенно нестерпимым и долго стоял так, молча глядя в огонь. Потом, коротко сплюнув, процедил сквозь зубы: «Вот так вот, суки! Вот так вот!», круто развернулся через левое плечо и, не оглядываясь, пошел обратно.

На улице за время его отсутствия произошли разительные перемены, с обоих концов она оказалась запружена возмущенно гудящей толпой. В основном ее составляли одетые в глухие длинные платья дородные чеченки, но мелькали также прожигающие солдат черными ненавидящими глазенками дети, а позади просматривались и взрослые мужчины. Над улицей бился многоголосый плач и вой, летели к небу жалобы и проклятья. Растерянные солдаты жались к БТРу, не зная, что предпринять, а разъяренные чеченки продвигались к ним все ближе и ближе, осыпая оскорблениями и угрозами. При появлении Люда, толпа качнулась к нему навстречу, а вперед протолкалась закутанная в черный платок старуха, что-то возмущенно кричавшая, показывая на разведчика пальцем. Что она говорила, Люд не слышал, в забитых выстрелами ушах до сих пор плыл колокольный звон, но особо сомневаться в содержании речи не прихо-

дилось. И тут Люда по-настоящему затрясло от внезапно нахлынувшей ненависти. Оскаленные лица чеченок, скрюченные готовые вцепиться в глаза пальцы, плюющие в него губы, все завертелось в сумасшедшем хороводе, и Люд медленно, будто во сне поднял автомат. Он не видел рванувшегося к нему от БТРа Степченко, не слышал его крика, но подступившее совсем близко безумие все же не смогло полностью поглотить его разум. Пока не смогло... Длинная очередь градом простучала по асфальту прямо под ногами напирющей толпы, заставив первые ряды отпрянуть и попятиться.

– Что, суки?! – захлебываясь выступившей на губах пеной истерично выкрикнул Люд. – Не нравится, да?! Не нравится?! А русских резать и насиловать нравилось?! А, суки, нравилось?! Все ответите! Все! Нет среди вас невиновных! Всех сожжем! Со всеми так будет! Слышите, суки?! Вы что думаете? Генералов купили и все! Конец! А вот хрен вам! Всех не купишь! Ответите еще! Все ответите! Всех убью! Всех!

И такой звериной ненавистью веяло от этого крика, такой мощной первобытной злобой, что толпа дрогнула, подалась назад, втягиваясь в промежутки между домами, пятясь, не в силах вынести жуткую волну ярости, что хлестала от человека одиноко стоявшего посреди улицы.

Возвращались все на том же «шишарике», только теперь в прыгающем на колдобинах кузове было намного просторнее. Комендачи остались у горящего дома охранять место происшествия и обеспечивать порядок. Люд, тяжело привалившись к туго натянутому тенту, пытался закурить, но дрожащие непослушные пальцы никак не хотели удерживать ставшие в одночасье слишком тонкими и ломкими спички. Нервы гудели перетянутыми гитарными струнами, из осипшего перехваченного спазмом горла то и дело вырывался предательский истеричный смешок. Люд знал, что это всего лишь отходняк, непроизвольная реакция организма на только что произошедшую стрессовую ситуацию. После третьей по счету неудачной попытки прикурить, сидевший рядом Копыто поднес к его сигарете горящую зажигалку. Кивком поблагодарив бойца, Люд жадно затянулся, и так раскалывавшуюся от боли голову будто сжали стальным обручем. Никакого удовольствия и расслабления сигаретный дым не принес, так просто – привычное ритуальное действие, обычно помогает хоть чуть-чуть. В этот раз не помогало совсем.

Неожиданно где-то в глубине живота противной холодной гнидой зашевелился страх, и не просто страх, а лишающий сил смертельный ужас. До боли ясно предстала перед мысленным взором картина недавних событий. Вот он ловкий, сильный, собранный, в чем-то подобный ждущей лишь команды сжатой пружине замер у края забора с тяжелым давящим плечо огнеметом наизготовку. Вот чуть сгибаются перед броском его колени, вот распрямившиеся мышцы бросают его за угол. А навстречу огненным веером пулеметной очереди летит смерть. Он почти физически ощутил как раскаленные кусочки металла впиваются ему в грудь и живот рвут, наматывают на себя эти только что бывшие такими сильными, такими упругими мышцы, вырывая огромные куски плоти выходят из спины... И чуть было не взвыл в голос от скрутившей кишки жути.

– Какого хрена ты сделал это, парень! – крикнул вновь где-то в пустой черепной коробке Степченко. – Какого хрена ты это сделал?! Ведь наши уже подъехали.

И удивленные широко раскрытые в пол лица глаза. Действительно, зачем? Почему? Ведь на самом деле убить могли...

Голова трещала, раскалываясь от невыносимой боли, перед глазами плыли огненные круги, мелькали яркие радужные мушки. Они не давали сосредоточиться, мешали найти ответ. Но он все-таки вспомнил, вспомнил, то лавинообразно обрушившееся чувство мутной нечеловеческой запредельной ярости, темное, пахнущее тяжелым запахом свежей венозной крови желание убить. Острое и неодолимое, заставляющее позабыть обо всем, кроме того, что здесь рядом находится враг. Враг, который должен быть уничтожен, разорван в клочья, растерзан и смят, сейчас, немедленно! Откуда это взялось?! Почему?! И новый приступ острой боли заста-

вившей тихо замычать, кусая губы и отчаянно замотать головой, которую будто пронизывал раскаленный вертел. Что это?! Что со мной?! Мысль, бьющаяся в пустом гудящем пространстве черепа будто бабочка, попавшая в паутину. Испуганная, суетливая, паническая. Неужели? Страшная догадка резанула будто бритвой. Нет! Нет! Это не так, это глупая, чужая мысль, которой нельзя дать даже оформиться, иначе она может стать правдой. Вон из моей головы! Вон! Пошла! Ну! Это не про меня! Это не я! Я не...

– Я не сошел с ума! Я не псих! Не псих! Нет!

Голос прозвучал неожиданно громко и резко, как хриплое воронье карканье. Он криво улыбнулся, обводя взглядом ошарашенные испуганные лица разведчиков, только теперь осознавая, что произнес это вслух.

– Все нормально, воины! Все нормально! Не обращайте внимания! Мандраж, отходняк! Солдаты неуверенно закивали, привычно опуская, пряча глаза.

– Нормально все! – вновь, будто уговаривая сам себя, повторил Люд.

А у самого перед мысленным взором уже встало окровавленное лицо пожилой чеченки. Да, точно, это уже было с ним. Тогда, на прошлой неделе, или позапрошлой... Нет, не вспомнить точно. Группа получила задачу во время общей зачистки села адресно тряхнуть дом местного участкового, который по оперативной информации был связан с боевиками. Там это и произошло. Когда милиционера уже выводили с крепко стянутыми за спиной руками, в подвале дома обнаружился целый склад самодельных фугасов, эта женщина кинулась на него. Кричала что-то, обзывала и проклинала, пыталась вцепиться в лицо, вела себя, в общем, так же, как сотни других до нее. Люд давно привык к бабьим крикам и ничего другого от чеченок не ожидал. Обычно старались как-то унять, успокоить взбесившихся баб, побыстрее сделать то, зачем пришли и уйти. Не связывались в общем, ну их к бесу, или к Аллаху, кому они там нужнее окажутся. Но в этот раз его вдруг захлестнуло той самой мутной волной, что и сегодня, всего на мгновение, но накрыло полностью с головой. Он не понял, как это произошло, но когда очнулся, его крепко держали за руки Бизон и кто-то из контрактников, а женщина тонко скулила, лежа на земле, зажимая ладонями разбитое в кровь лицо. Потом так же жутко болела голова, и тряслись пальцы, а Бизон и бойцы смотрели на него искоса, непонимающе и недоверчиво. Они думали, что Люд не замечает этих взглядов. Но нет, он все прекрасно видел...

Тогда он списал происшедшее на единичный нервный срыв. Мол, с кем не бывает, особенно здесь? Но сегодня это повторилось, причем на более сильном уровне. И что делать теперь? А ничего! Что ты хочешь? Пойти к местным айболитам и заявить, что у тебя клинит башню? В дурке окажешься на раз! И надолго, если не на всю жизнь... Мигом сдадут в поликлинику для опытов. Так что забудь, выбрось это все из головы, и просто старайся себя контролировать. Нормально все! Нормально...

Чеченец смиренно сидел под колесами «Урала» изредка недобро зыря на суетящихся рядом разведчиков. Бежать он даже не попытался, и это было хорошим знаком. Люд присел рядом с ним, устало привалился к горячей пахнувшей резиной покрышке и дружески приобняв парня за плечи, проговорил пристально глядя в глаза:

– Ты молодец, Хамзат. Я сначала не поверил, что ты честный чеченец, а теперь вижу, что ошибался. Махмаевы действительно оказались настоящими ваххабитами, правильно ты сделал, что нам рассказал. Теперь они уже никому не причинят зла.

Чеченец задергался, пытаясь сбросить его руку. Но Люд цепко ухватился за ворот джинсовой куртки и, все так же дружески улыбаясь, притянул его голову поближе. Зашептал в самое ухо:

– Теперь ты с нами, парень. Будешь на нас работать. Выхода у тебя другого нет. Понял? Сейчас я тебя отпущу, а через неделю, тебя вызовут в комендатуру. Запомнил? Подходящую причину комендант придумает. Ровно через неделю. Я там буду тебя ждать. Расскажешь мне

что-нибудь полезное, получишь деньги. Не очень много, но получишь. Чем интереснее рассказ, тем больше денег...

– Я ничего не знаю! Я не боевик, откуда мне знать? – задергался чеченец.

– Тише, тише... Не ори, – свистящим шепотом одернул его Люд. – Не знаешь, так узнай. Поспрашивай у тех, кто знает. Постарайся... Это мой тебе бесплатный совет. Если ничего интересного за неделю не выяснишь, мы расскажем людям, кто навел комендачей на Махмаевых. Как думаешь, что с тобой тогда будет?

– Да я... – взвился, было, парень.

– Тихо, я сказал! – рявкнул Люд сдавливая двумя пальцами шейную мышцу чеченца и, дождавшись, когда тот вскрикнет от боли, тем же спокойным увещевающим тоном продолжил. – Если тебе хочется стать героем и отказаться от сотрудничества с русскими оккупантами, то объясняю популярно, для тебя уже поздно. Ты уже замазался по самое не могу. Из-за тебя уже погибли люди, настоящие борцы за чистый ислам. И теперь у тебя лишь два пути: либо дружба с нами, либо позорная смерть. Причем, я думаю, во втором случае твоей смертью дело не ограничится. Кровная месть, так ведь? Воздаяние равным, как по шарияту, да?

Хамзат прекратил вырываться из рук разведчика и затих, напряженно о чем-то размышляя. Люд прекрасно знал, что сейчас его будущий агент, а в успехе вербовки он не сомневался ни на секунду, изо всех сил ищет и не находит выхода из мышеловки в которую его загнал русский, куда ни кинь, всюду клин. Именно сейчас необходимо было показать парню узенькую тропинку к спасению, пусть подленький, но все-таки выход из сложившейся ситуации.

– Ты не думай, – жарко зашептал в самое ухо чеченцу Люд. – Если мы с тобой будем дружить, об этом, никогда никто не узнает. Мы же не просто так парни с улицы, мы ГРУ! Сечешь разницу?

Хамзат судорожно сглотнув, кивнул.

– Мы за дружбу всегда добром платим и тех, кто с нами работает, не сдаем. Наоборот, поддерживаем и помогаем во всем. Ты не бойся, никто ничего не узнает. Вот ты чем живешь? Машина у тебя хорошая, ухоженная... Автомобилями промышляешь? Или что? Может нефть? Точно, нефть! Говори, не бойся! Мы же теперь друзья!

Хамзат вновь еле заметно кивнул.

– Ну вот видишь! А ты со мной дружить не хотел! Небось, на блоках половину выручки оставляешь, иначе солдатики хрен пропустят. Так? Конечно, так! А если толковую информацию нам поставлять будешь, я договорюсь, тебе вообще платить не надо будет. Сечешь? Никогда платить не надо будет! Богатым станешь! Все тебя уважать будут! Жена есть? Нет? Ну вот! Теперь будет! За любую калым заплатит сможешь! За самую лучшую! Видишь, как тебе повезло!

Чеченец испытующе глянул в лицо разведчику, не врет ли? Ждавший этого момента Люд постарался нацепить маску самого неподдельного дружелюбия и радости. Похоже, получилось. Хамзат ощутимо расслабился и успокоился, вот только в глазах парня мелькнула какая-то нехорошая тень. Он сейчас задумался о выгодах своего будущего положения и, скорее всего, считает себя здесь самым умным, надеясь, что сможет отделаться от разведчиков какими-нибудь пустячными, а то и вовсе ложными сообщениями. Пусть... Пусть пока так и думает, молодой самонадеянный болван... Русскую поговорку «коготок увяз, всей птичке пропасть», он похоже не слышал, так что пусть тешит себя дурацкими надеждами, пусть воображает, что ему удастся провести недалеких гасков...

С самым дружелюбным видом, на который был только способен, натянув на лицо сводящую скулы улыбку, Люд поднялся и потрепал парня по плечу.

– Ну до встречи, партнер. Не забудь, через неделю в комендатуре.

И уже развернувшись, чтобы уйти, неожиданно остро и жестко глянул в глаза чеченца.

– Только новости должны быть интересными... И правдивыми... Иначе... – левая рука выразительно чиркнула ребром ладони по шее.

И не было больше в лице разведчика ничего доброго и веселого, а от кривой ухмылки веяло могильным холодом.

Полковник весь кипел от титаническим трудом сдерживаемого негодования. Внешне он оставался совершенно спокоен, на непроницаемом холодно-отстраненном лице не дрогнул ни один мускул. Но обмануть он мог кого угодно, только не Люда прошедшего с ним через всю Чечню, сожравшего наполовину не один, а десять пудов соли, испытывавшего и огонь, и воду, и медные трубы. Люд отчетливо видел, что полковник находится в последней стадии бешенства и причина тому никто иной, как капитан Кукаринцев собственной персоной. Напряжение висело в воздухе физически осязаемой плотной давящей ватой. Во всей фигуре полковника: в зло прищуренных глазах, сжатых, так, что побелела кожа на костяшках, кулаках, в напряженной спине, в поддрагивающих уголках губ, отчетливо читалось клокочущее у него внутри справедливое негодование.

– Ну заходи, заходи, сокол ясный, – медовым голосом пропел полковник, и тут же, не выдержав, сорвался на крик. – Ты что там опять устроил?! Да сколько можно это все терпеть?! Ты что творишь, ковбой задрыченный?! Да я тебя обратно в часть отправлю! Завтра же! В пункт постоянной дислокации на хрен! Пока ты пол республики мне тут не перерезал...

Люд улыбнулся, пожав плечами.

– Извини, Максимыч, так получилось...

– Получилось у него, да лучше бы у твоего папы в свое время не получилось! Это же надо такое учудить! Нет, все, мое терпение лопнуло! Домой! Завтра же!

Люд страдальчески возвел очи горе и, постояв так с минуту, посмотрел на полковника с явным сожалением, как смотрит учитель на бестолкового, но вместе с тем все же любимого ученика.

– Не поеду я домой, Максимыч, – тихо, но твердо произнес он.

– Нет! На этот раз поедешь! Потому что ты у меня вот где уже сидишь со своими выходками! – полковник рубанул себя по горлу, показывая, где именно у него сидят проступки подчиненного. – Или под трибунал пойдешь за невыполнение приказа. И вообще на хер из Вооруженных Сил.

– Вот это запросто... – лениво протянул Люд. – Подамся на вольные хлеба... К казачкам на ту сторону Терека, отряды самообороны организовывать. По-крайней мере не придется как здесь за каждую удавленную гниду отчитываться... Да и от армейского маразма подальше. Отожрусь на молоке да сметане, выплюсь наконец... Не жизнь, малина...

– Ты мне еще поюродствуй тут! Ты мне поюродствуй! – вылетел из-за стола полковник. – Ты на кой хрен прокурорского следака задержал?! Ты что, совсем дурак?! Или прикидываешься только?! Он тебя придурка задержать мог, а не ты его! ОН! Улавливаешь разницу?!

– Да не задерживал я его, – чуть отстранился от брызжущего слюной праведного гнева начальства Люд. – Так просто, попросил под ногами не путаться, ради его же безопасности. Он одет был как попугай. Мало ли какой снайпер вредный поблизости оказался бы. Отвечай потом...

– Ты мне мозги тут не задуривай! Заботливый наш! Ты знаешь, что прокурор из Шали хотел самому командующему запрос насчет тебя направить? Нет? Так я тебе докладываю! Ты знаешь, сколько мне пришлось его упрашивать, чтобы это дело замять? Тьфу, пропасть! Что ты буркалами своими тут ворочаешь?! Раскаяние что ли изображаешь? Да не трудись уж! Вижу, что тебе по барабану! Так, нет?

– Честно? Да..., – устало выговорил Люд. – Хорош кипятиться, Максимыч. Понял я все. Чего по сто раз пережевывать? В следующий раз будет какой прокурорский под ногами путаться, грохну уroda и там же зарю, чтобы не нашли...

– Понял он! Что тебе человека грохнуть, как комара прихлопнуть, я и так знаю...

Поймав загоревшийся совершенно безумным бешенством взгляд подчиненного, полковник как-то разом осекся.

– Как комара, говоришь, – чужим неестественно глухим голосом повторил Люд. – Вот так ты думаешь, да?

– Ладно, все, успокоились, – примирительно поднял руки вверх полковник. – Все, извини, занесло меня. Только ты тоже пойми, что нельзя так, нельзя... Все, нет войны! Кончилась! И если ты и дальше воевать будешь, то кончишь как Буданов, Аракчеев и кто там еще... Пойми, теперь, все должно быть строго по закону. Иначе сядешь! Надолго сядешь, и никто не спасет. Даже я! За эту историю сел бы уже. Даже не знаю, каким чудом опять удалось тебя прикрыть! Вот свалился ты на мою голову... Черт, если бы не вытащил меня тогда из-под обстрела, давно бы уже на тебя плюнул... Добром прошу, прекращай свои художества... Прекращай...

– А я тебя, Максимыч, не для того вытаскивал, чтоб ты мою задницу прикрывал, – набычился Люд. – Так что можешь считать, что ничего мне не должен.

– Гордый..., – протянул полковник. – Гордый и глупый. Я ведь с тобой не шучу. Ты на кой хрен дом сжег?

– Стреляли оттуда. Пацана комендантского завалили. Что я смотреть должен на них был? – мрачно произнес Люд.

– Смотреть! А знаешь, что про это в газетах пишут? Нет? А вот я тебе зачитаю: «Это произошло на территории, где официально война закончена, где ФСБ вроде как кого-то ищет, добывает некую оперативную информацию, а не обугленные трупы. Как будто задача у федералов одна – уничтожать все что движется. И не просто уничтожать, а сжигать дотла. Тогда не надо мучаться, доказывая, что на тот свет ты отправил отпетого бандита, целившего тебе в лоб, а не мирного крестьянина. С этой точки зрения огнемет надо признать самым стерильным оружием для проведения зачисток в Чечне. Следов не оставляет. Однако все это вовсе не свидетельствует о появлении на территории Чечни Закона. Как мы убедились, здесь пока действует один прокурор – „Шмель“». Ну как тебе?

Люд задохнулся от возмущения и не сразу нашел что сказать.

– Пидоры, – наконец выдохнул он. – Вот пидоры! Это что же выходит, мирный крестьянин лупил по мне из пулемета, а я должен был искать доказательства, чтобы официально привлечь его к уголовной ответственности! Так что ли получается?

– Получается, представь себе, – процедил через губу полковник, устало опускаясь на придвинутый к обшарпанному письменному столу табурет. – Все, отвоевались. Теперь здесь не наша масть работает, а законники, да местное МВД. А наш номер девятый, пора бы запомнить уже.

– Угу, запомнил. Они наработают. Через год придется наново войска вводить.

– А вот это уже не наше дело! Понял?! Приказы не обсуждают, ясно? А раз ясно, то я тебе приказываю: больше ни на шаг в сторону от выполнения задачи! Никаких больше мне историй с местной милицией и с прокуратурой! – полковник побагровел от ярости и брызгал слюной. – Помяни мое слово...

Деликатный стук в дверь прервал его гневную речь. Полковник поперхнулся так и не произнесенной фразой и, откашлявшись и постаравшись придать лицу дежурное бесстрастное выражение, рявкнул:

– Войдите!

Дверь рывком распахнулась, и через порог переступил незнакомый Люту офицер, капитан, как разглядел он мельком косонув краем глаза на погоны вошедшего.

– Товарищ полковник, капитан Моргенштейн, представляюсь по случаю прибытия к новому месту службы.

– А, давненько ждем тебя, – расплылся в улыбке полковник. – Я – здешний начальник, полковник Удальцов Владимир Максимович. Если не при боях, можно просто по имени отчеству. Как добрались? Сколько людей?

– Спасибо, добрались без приключений. Со мной вместе двенадцать человек: офицеров два, прапорщик один, контрактников трое, остальные срочники. Вот все документы, – капитан шагнул к столу и четким движением протянул полковнику внушительную пачку бумаг, мелькнули бланки командировочных удостоверений, продовольственные аттестаты, еще какие-то бумажки с печатями.

Удальцов лишь замахал руками.

– Нет, нет, нет... Всю эту мутоту заберешь и сдашь начальнику штаба, мне оно не нужно.

Люд исподтишка изучал вновь прибывшего. Впечатление, надо сказать, было не в пользу последнего. Слишком уж он даже на вид был правильным, будто только сошел с рекламного плаката «Я выбираю службу по контракту»: гладко выбритое лицо, чистое, даже вроде бы глаженное камуфляжное х/б, горящие черным огнем ботинки, что он по воздуху сюда прилетел что ли? Ну прямо ангел, только крыльев не хватает. Вот от таких зануд и аккуратистов в армии и возникают все проблемы. Все из-за этих тупых служак, что ни на шаг не отступят от требований уставов и инструкций, какими бы идиотскими они ни были. Даже легкая спортивная фигура и пружинистые точные движения, в которых отчетливо читалась отточенная смертоносная пластика мастера рукопашного боя, не смогли исправить впечатления, впрочем, накачанными мышцами, да костоломными приемами в спецразведке никого не удивишь, здесь все орлы, как на подбор. А с ними дядька Черномор... Да, Черномор, тоже хорош, смотри как лыбится, такое счастье изображает, будто этот прибылой перец его незаконнорожденный сын, как минимум...

– Моргенштейн, странная фамилия. Немец что ли? – с развязной интонацией дворового хулигана выдал Люд, чуть наклонив голову и нагло, в упор, разглядывая новичка.

Тот ответил спокойным и добродушным взглядом с некой долей философского долготерпения, мол, чем бы дитя не тешилось...

– Немец, только давно обрусевший, предки еще до революции в Поволжье перебрались.

– Если немецкий язык не забыл, то Моргенштейн значит утренний камень. Рано просыпаетесь, наверное?

– Люд! – предостерегающе произнес полковник, окидывая разведчика строгим взглядом.

– Могу и рано, – также снисходительно-добродушно отозвался новичок, спокойно оглядывая стоящего перед ним грязного и ободранного офицера.

– Это хорошо, что можешь, будешь у нас вместо будильника, – криво ухмыльнулся Люд, он ощущал какую-то иррациональную ненависть к этому чистенькому, аккуратно по форме одетому парню. – Знаешь, как петухи в деревне, по утрам кукарекают?

– Капитан Кукаринцев! – рявкнул полковник. – Прекратите!

– А что? Я ничего, – с совершенно невинным видом, который, тем не менее, никого не мог обмануть произнес Люд. – Просто сказал, что в деревнях вместо будильников обычно бывают петухи. А у нас же здесь деревня, разве нет?

Новичок склонил голову набок и с интересом, будто редкого жука на булавке рассматривал Люда, щура пронзительно синие глаза. С виду он оставался абсолютно спокойным, будто и не понял оскорбительного намека разведчика.

– Капитан Кукаринцев, я Вас больше не задерживаю! – официальным голосом произнес полковник. – Идите, проследите, чтобы группе были созданы условия для полноценного отдыха.

– Есть, товарищ полковник! – демонстративно четко приложил руку к повязанной на голове косынке Люд. – Разрешите выполнять?

– Да, идите!

Строго по уставу развернувшись через левое плечо и, лихо шелкнув разбитыми каблучками, что любой начальник в данной ситуации справедливо расценил бы примерно как вытянутый вверх средний палец, Люд протопал на выход и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Да... интересные у Вас тут кадры служат... – после долгого молчания протянул новичок, искоса глянув на полковника.

Удальцов смущенно откашлялся и нейтральным голосом заявил:

– Капитан Кукаринцев опытный разведчик, мастер своего дела. А на это несколько неадекватное поведение обращать внимание не надо. Он только что вернулся из длительного и тяжелого рейда, так что несколько возбужден и агрессивен. Отдохнет, придет в себя будет совсем другой человек. Да и вообще, коллектив у нас тут подобрался, хоть и дружный, но довольно характерный, у каждого в голове свои тараканы. Но друг дружку в обиду не дадут, в беде не оставят. Настоящие мужики! Железные! Ну да еще познакомишься! Главное – себя сразу правильно поставить, а то сожрут без соли. Я этих оболтусов знаю, им палец в рот не клади.

Моргенштейн по давно выработанной привычке все мало-мальски интересное вокруг замечать и анализировать обратил внимание, что полковник о подчиненных говорит почти с нежностью, как о беспокойных, шаловливых, но от этого отнюдь не менее любимых детях, а в словах его явно проскальзывает гордость за них.

Он успокаивающе кивнул:

– Я обычно хорошо лажу с людьми. К тому же, они ведь все здесь уже давно, значит, на первых порах мне придется у них учиться. Перенимать опыт, так сказать. Вот и сблизимся, Вы за меня не волнуйтесь.

– Да я и не волнуюсь, – пожал плечами полковник. – А Люд просто только что взбучку получил, а тут ты под горячую руку, вот он и выверился...

– Люд, – медленно протянул, будто пробуя слово на вкус, капитан. – Странное какое имя...

– Это не имя – позывной. Сокращение...

– От имени Людмила? – широко улыбаясь, перебил новичок.

Ответной улыбки он не дождался. Удальцов смотрел серьезно, даже неодобрительно.

– Сокращение от слова людоед. И надо сказать позывные у нас просто так не дают, их вначале заслужить нужно, а потом соответствовать. Люд своему соответствует на все сто... Так что имей ввиду... И бесплатный совет, не дай бог тебе при нем пошутить насчет Людмилы как сейчас. Уяснил?

– Так точно, – коротко ответил новичок, улыбка медленно сползала с его лица.

Хамзат

День выдался солнечный и вместе с тем приятно не жаркий, откуда-то с далеких гор дул освежающий ветерок, нес с собой сладостные летние запахи напоенных соками земли, цветущих трав, хотелось дышать полной грудью, радоваться жизни и любить всех вокруг. Хотелось, но, увы, не получалось. Хамзат брел по залитой солнцем улице, едва переставляя ставшие в одночасье тяжелыми и неуклюжими, будто ватными ноги. Вчера случилось то, чего он со страхом ждал всю неделю. Ночью, забываясь в горячечном беспокойном сне, раз за разом он прокручивал в мозгу картину того, как это произойдет. Надеялся смутно, вдруг пронесет, вдруг минет. Мало ли как жизнь поворачивается. Может, не проживет эту неделю страшный русак. Может меткая пуля какого-нибудь борца за свободу отправит его в ад. Может более удачно поставленный фугас разорвет на части его поганое тело. Да все что угодно может с ним случиться, ведь даже в обычной жизни человек никогда не застрахован от внезапного приступа неслышно подкравшейся болезни, от не вовремя выехавшей из-за поворота машины, да от упавшего с крыши кирпича наконец, а уж когда идет война, то и говорить нечего... И почти уверил уже себя в том, что не до него будет проклятому русаку через обещанную неделю, даже если он ее и переживет, мало что ли дел у человека из страшной организации с короткой аббревиатурой ГРУ? Да нет, наверняка целая куча. Где уж тут помнить про какого-то там случайно попавшегося под руку парня, который не то, что не известный полевой командир, даже просто не боевик...

Однако хоть и успокаивал себя, в глубине души всегда знал что зря, у этих не соскочишь, и не забудут они про тебя – те еще волки. Если уж вцепились раз, ни за что не выпустят. Мало что ли страшных не к ночи помянутых рассказов шепотом передается от человека к человеку про них на селе. Что хотят то и сделают, никто им не указ, никого не боятся черти, ни своих, ни, тем более, чужих. Так что не сильно и удивился-то, когда ровно накануне назначенного дня вернулся домой из поездки, еще умыться не успел, а мать уже принесла мятую бумажку с печатью – повестку в комендатуру. Пока в отъезде был, приезжал офицер с тремя бойцами, завезли бумагу, да расписаться заставили, что получили. Явиться завтра к коменданту, насчет постановки УАЗика на какой-то там военный учет, вроде положено так, закон такой, говорили, есть, так что документы на машину с собой и завтра с утра пораньше в комендатуру. А в случае неявки, расстрел. Так сказали. Смеялись много, веселые, шутили видно.

Хамзат покивал солидно, молча взял из материнских рук повестку, сложил вчетверо, спрятал в карман бережно и прошел в дом. Не к лицу мужчине, перед женщиной, пусть даже и матерью волнение и страх показывать. Потому всем видом полный покой изображал, только сердце в груди так и бухало, да жилка на виске забилась сильнее обычного. Потому как понял все конечно сразу и кто зовет и зачем. Про то, что грузовики да УАЗы положено на военный учет ставить знал, но это где положено, там, где эти учеты на случай мобилизации для войны ведут. А здесь, какие на хрен учеты?! Здесь война уже почитай к десятому году подкатывает. Чего уж там учитывать?! Ясно все, как день... Не комендант его к себе зовет, а тот, перемазанный кровью грушник, лицо которого до сих пор в кошмарах видится. Не забыл, значит. Выходит придется завтра ответ давать, вот только какой... Да, задача... Весь вечер только и думал о предстоящем, потому за столом больше молчал, ел мало, о поездке против обыкновения рассказывал скупко, на расспросы не отвечал, наконец сославшись на усталость рано ушел к себе в комнату спать. Там завалившись на кровать и, глядя в окно на постепенно светлеющее звездами небо, думал долго и напряженно.

Дело в том, что на самом деле было ему, что интересного рассказать русаку. Хамзат вовсе не врал, когда говорил, что ничего не знает про боевиков ни в родном селе, ни в других селах. На самом деле ни он сам, ни его родственники никакого участия в сопротивлении не прини-

мали, прозорливо полагая, что сила силу ломит и гораздо лучше под шумок заниматься полупроизводительной приносящей немалые барыши торговлей левым бензином, да паленой водкой, чем пытаться сражаться с гяурами, скрываясь в горах, будто дикие звери. Ведь что бы там ни говорили ваххабиты, что бы ни обещали, реально жизнь партизана отнюдь не сладкая, да и не долгая. Чего-чего, а этого на примере многих односельчан нагляделись. Да, бывало, уходили молодые и горячие парни по весне, как зацветет пышным многоцветием зеленка в горы, воевать во имя Аллаха за свободу своей земли от русаков-оккупантов, бились с неверными собаками насмерть, караулили их в засадах, нападали на колонны, и малочисленные блокпосты, минировали дороги. А к осени по первым заморозкам, когда в горах, да лесах особо уже не побегает и всякая война сама собой замирает, забываясь в теплые схроны, натопленные землянки и пещеры в самой недоступной горной крепости, назад в родное селение возвращались, обмороженные израненные и покалеченные, со стариковскими усталыми глазами, грязные, оборванные и завшивленные бойцы. Не все, что уходили, далеко не все... Хорошо, если возвращался один на пятерых ушедших. Вернувшиеся отогревались в тепле, отмывались, отпаривались в банях, выводили вшей. Вечерами рассказывали героические истории о лихих налетах, об убитых врагах и погибших друзьях, о взятой добыче, да пленных русаках, которых превращали в рабов, а то на месте резали горло, если видели, что у гяура спина слишком прямая, под ярмо гнуться не желает. Рассказы эти воспаляли подростковую молодежь, зажигали в черных глазах горцев завистливый огонек, мечталось мальчишкам о славе, о богатой добыче, о почете и уважении в родном селе. И на следующую весну в горы уходили уже они, для того, чтобы осенью опять назад вернулся лишь один из пяти...

Однако были и другие бойцы за свободу, те, кто не собирал односельчан, чтобы похвалиться своими подвигами, те, кто не принес с собой по осени ни денег, ни славы. Эти были молчаливы, пили много водки, а на разговорчивых глядели с затаенной ненавистью, и лишь в пьяном бреду их, наконец, прорывало, будто лопались, истекая желтым вонючим гноем, давно набухшие чирьи. И тогда речи текли уже совсем другие: про загноившиеся из-за отсутствия медикаментов раны, про холод и голод, про постоянный страх, про атакующие на бреющем вертолеты, про затравленный животный бег не разбирая дороги при отрыве от преследования, про арабов-наемников, не считающих простых чеченцев за людей, про их звериную жестокость, про такой же жестокий и еще более страшный русский спецназ, исповедующий закон кровной мести и берущий за одну свою жизнь десять вражеских... Отличались эти пьяные разговоры от рассказов удачников, как небо от земли, и вот они-то уж как ничто другое остужали горячие головы. Вот только редкими они были и велись лишь в кругу близких людей... Хамзату повезло, он подобные истории вовремя услышал.

Брат его школьного друга Апти Талалаева Ахмед пропал где-то все лето и половину осени. Апти несказанно важничая, заявлял, что Ахмед, как всякий настоящий мужчина, пошел на войну с гяурами и дерется вместе с самим имамом Шамилем. Что домой он обязательно вернется с целой кучей заработанных долларов и русскими рабами, которые будут вести все небогатое хозяйство Талалаевых, навсегда избавив самого Апти от унижительной для мужчины домашней работы. Дни шли за днями, и вот уже после заморозков в селе появился Ахмед. Никаких рабов он с собой, конечно, не привел, да и великим богатством тоже не хвастал. Бежавшие исподтишка посмотреть на вернувшегося с войны героя мальчишки ничего интересного в его внешнем виде не нашли. Только сверх меры исхудавшее с заострившимися чертами лицо, глубоко запавшие постоянно бегающие шало-больные глаза, да правая нога, которую он при ходьбе неловко подволакивал из-за почти негнувшегося колена. На просьбу рассказать о том, как бил он неверных собак, Ахмед лишь сумрачно коснулся их сторону глазами и смачно сплюнув себе под ноги, молча ушел в дом. Апти тоже ходил как потерянный, вовсе не такого брата он надеялся увидеть, вовсе не того ждал от старшего... И лишь много позже, когда гуляли девятнадцатый день рождения Апти, и именинник принимая поздравления друзей говорил о

том, что скоро придет и его время попытать счастья на военных дорогах, вдрызг напившийся Ахмед вдруг пьяно выкрикнул:

– Молчать! Не знаешь, о чем говоришь, молчи! Куда ты собрался?! Хватит нам на семью и одного воина! Я за всех нас отмучился! И за тебя, и за младших братишек! Потому сиди дома, помогай родителям, торгуй, женись, едь учиться! А воевать идти не позволю! Или зря я чуть без ноги не остался?!

За столом моментально замолчали, не след горскому мужчине прилюдно произносить такие речи, непривычно это, да и неправильно, уж больно неприличной для воина слабостью отдает. Ахмед поднялся и, чуть покачиваясь, обвел гостей недобрым взглядом.

– Почему так смотрите? Осуждаете меня? А кто из вас там был? Кто под вертушками бегал? Кого артиллерией гяуры накрывали? Молчите? Правильно, молчать вам и надо...

Он еще что-то собирался сказать такое же злое и правдивое, но подвел неожиданно заплетшийся язык, застыли комом в горле обидные резкие слова, а потом и самого Ахмеда вдруг повело в сторону. Он широко махнул рукой, надеясь ухватиться за воздух, но не смог удержать равновесия и так и завалился бы прямо на накрытый стол, если бы его не подхватил сидевший рядом Хамзат. С другой стороны еще кто-то из молодежи поймал перебравшего за локоть. Ахмед бессильно обвис в их руках, бессмысленно глядя налитыми кровью глазами в пол.

– Простите его, дорогие гости, – поспешил сгладить неловкость хозяин дома горбоносый Шамиль. – Мой сын много пережил на священной войне. Все знают, он дрался с гяурами, как лев, и до конца исполнил долг правоверного мусульманина. Но сейчас он слишком много выпил вина, и Аллах помутил его разум. Еще раз прошу простить его необдуманные слова. А вы юноши, помогите ему выйти на воздух, пусть подышит немного, остудит горячую голову.

Улица стыло белела припорошенная мелким снежком, Хамзат помог Ахмеду дойти до ворот и там присесть на специально врытой в землю лавке, от разгоряченных тел на морозе валил пар, голова разом сделалась холодной и ясной, похоже и Ахмеду тоже заметно полегчало. Он больше не рвался обратно в дом, не пытался что-то доказывать, сидел смирно уставясь в темноту широко открытыми глазами, думал о чем-то своем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.